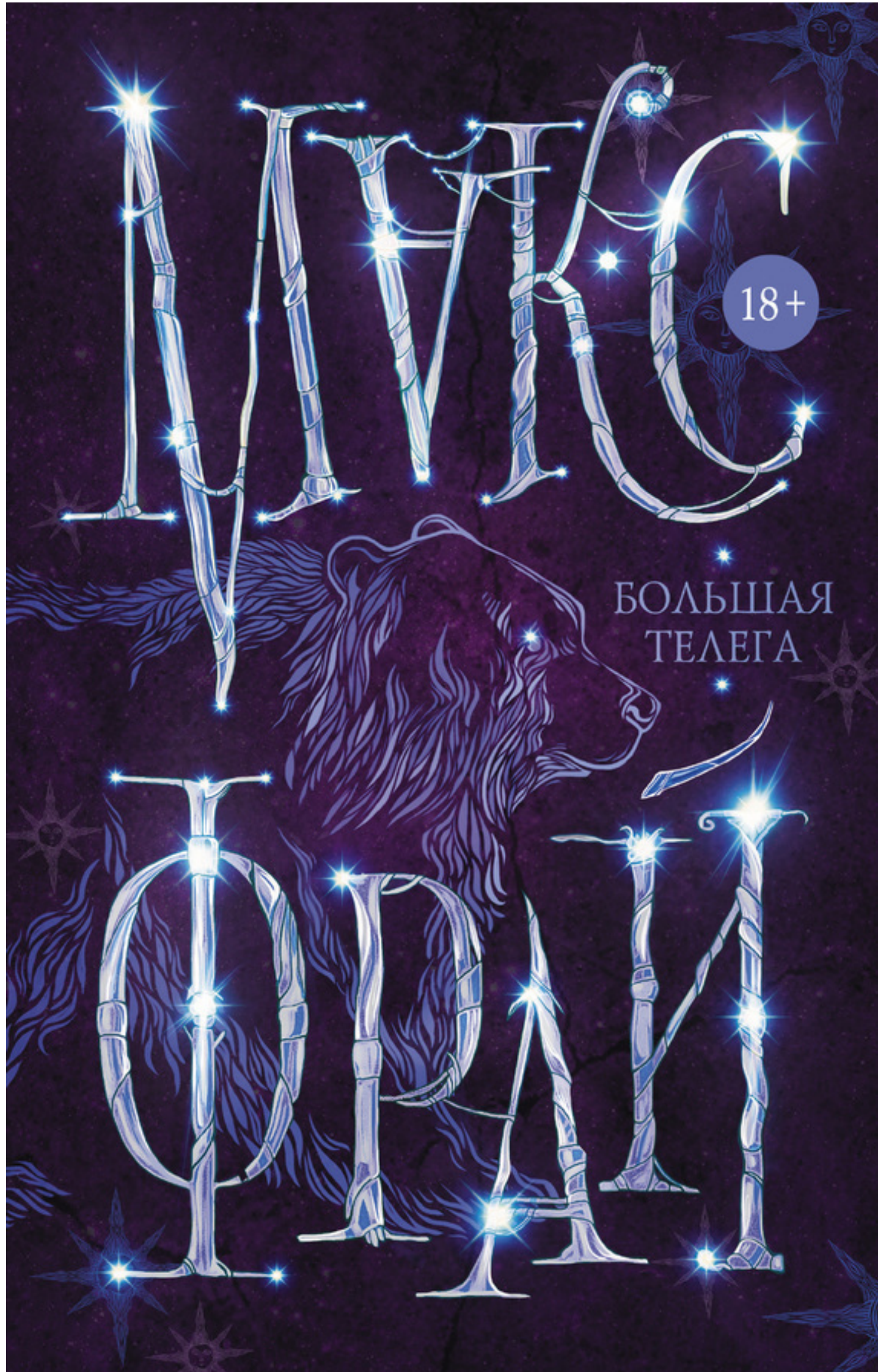

18+

БОЛЬШАЯ
ТЕЛЕГА

Макс Фрай

Большая телега

«АСТ»

2009

Фрай М.

Большая телега / М. Фрай — «АСТ», 2009

Однажды зимним днём 2008 года автор этой книги аккуратно перерисовал на кальку созвездие Большой Медведицы, наугад наложил рисунок на карту Европы и отметил на карте европейские города, с которыми совпали звезды. Среди отмеченных городов оказались как большие и всем известные – Цюрих, Варшава, Нанси, Сарагоса, Бриндизи, – так и маленькие, никому, кроме окрестных жителей неведомые поселения: Эльче-де-ла-Сьерра, Марвежоль, Отерив, Энгельхольм, Отранто, Понте-Лечча и множество других. А потом автор объездил все отмеченные города и записал там истории, которые услышал на их улицах, не уставая удивляться, как словоохотливы становятся города, когда принимают путника, приехавшего специально для того, чтобы внимательно их выслушать. Похоже, это очень важно для всякого города – получить возможность поговорить с людьми на понятном им языке. Так появилась «Большая телега» – идеальное транспортное средство для поездок по Европе, книга-странствие, гид по тайным закоулкам европейских городов и наших сердец.

© Фрай М., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

α	6
β	17
γ	19
δ	25
ϵ	38
ζ	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Макс Фрай

Большая телега

Книга публикуется в авторской редакции

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

α

Ваша корреспонденция доставлена по адресу: Nancy, Rue Sellier, Jardin de la Citadelle, почтовый ящик.

Некоторое время я созерцал телефон, пытаюсь понять, что тут не так. То есть, разумеется, вообще все не так. Какая «корреспонденция»? От кого, откуда, зачем? С каких пор о получении письма оповещают по телефону? И что за почтовый ящик может быть в саду? В каком, к черту, саду?! И почему именно в Нанси? Я туда, конечно, еду – вот прямо сейчас, в скоростном поезде из Парижа. Но об этом не знает ни одна живая душа.

Я и сам еще два часа назад не знал, что отправлюсь в Нанси. Просто шел мимо Восточного вокзала, рядом с которым поселился, глазел по сторонам в надежде, что увлекательные планы на только-только начавшийся день образуются как-нибудь сами собой. И вдруг вспомнил игру, которую придумал давным-давно, еще в школе, но по-настоящему оценил, когда стал жителем объединенной Европы и принялся исследовать ее с энтузиазмом узника, чье пожизненное заключение внезапно закончилось, а жизнь – еще нет.

Правила простые: оказавшись возле вокзала в начале свободного от неотложных дел дня, войти и изучить расписание пригородных электричек, а если есть лишние деньги и желание забраться подальше, то и поездов дальнего следования. Выбрать ближайший, вернее, отходящий минут через десять-пятнадцать, чтобы успеть купить билет – и вперед, на поиски новых впечатлений. Обычно я ограничиваюсь короткими поездками, чтобы вечером можно было вернуться, но это не принцип, а вынужденная уступка обстоятельствам. Будь я богатым бездельником, месяцами домой не возвращался бы.

В глубине души я всегда считал, что это не просто развлечение, а большая, сложная игра с невидимым и, ясное дело, непостижимым партнером, которого по малолетству именывал Судьбой, потом – Случаем, но довольно быстро почувствовал, что никаких имен называть не надо, даже наедине с собой, и благоговейно притих.

Я уже давным-давно такой взрослый, что самому страшно, но до сих пор люблю представлять, что всякий раз, когда я приближаюсь к вокзалу, какой-нибудь дежурный сотрудник Небесной Канцелярии бросает все дела и принимается спешно составлять для меня очередной маршрут. Ощущать его внимание и деятельную заботу мне нравится даже больше, чем болтаться без дела по незнакомым городам и селениям, а лучше этого занятия я пока так ничего и не придумал. Хотя очень старался.

Попав на несколько дней в Париж, я никаких дополнительных путешествий не планировал, это, казалось мне, перебор – все равно что, проникнув в погреб знаменитого винодела, периодически выскакивать оттуда в ближайшее бистро. Но уже на третий день, проходя мимо Восточного вокзала, я почувствовал знакомый сладкий зуд – не в теле и даже не в так называемой «душе», а где-то в районе грядущего полудня. Почти неохотно вошел, почти невольно покосился на расписание и увидел, что скоростной поезд до Нанси как раз готовится к отправлению. Прикинул: а что, прекрасный маршрут, полтора часа, и на месте. И вернуться наверняка можно сегодня же вечером, ну же, сказал я себе, ну! – и только тогда заметил, что уже уперся коленом в жизнерадостную зеленую твердь билетного автомата.

И вот я еду в Нанси, уже почти приехал, за окном мелькают пригородные сады, а мой телефон внезапно начинает шипеть, свистеть и плевать – я специально сохранил в его памяти симфонию для трех одновременно закипевших чайников, чтобы улыбаться всякий раз, когда приходит sms.

Доставая телефон из кармана, я полагал, это кто-нибудь из приятелей внезапно вспомнил о моем существовании, но нет, сообщение было послано с какого-то незнакомого местного

номера. *«Ваша корреспонденция доставлена по адресу: Nancy, Rue Sellier, Jardin de la Citadelle, почтовый ящик»*, – и, да, я наконец понял, что удивило меня больше всего: все, кроме собственно адреса, было написано по-русски, причем не транслитом, а кириллицей. При том что нахожусь я во Франции, а номер у меня – немецкий. Однако неведомого поклонника Кирилла и Мефодия эти обстоятельства совершенно не смутили.

Конечно, я попробовал перезвонить таинственному отправителю – с предсказуемым результатом. Ласковый женский голос проворковал, что такого номера не существует в пределах обитаемой вселенной; что же касается необитаемой, о ней механическая мадмуазель не имела никакой информации, как, впрочем, и я сам. Ну, то есть, мне приятно думать, что автомат сказал примерно это, а не банальное «неправильно набран номер», для того и нужны благозвучные незнакомые языки, вроде французского – чтобы питать наши иллюзии.

Тогда я написал ответ – дескать, ничего не понимаю, объясните. Зря старался, все равно сообщение не дошло до абонента; я, впрочем, не слишком на это рассчитывал.

Значит так, сказал я себе, покинув здание вокзала. Таинственная корреспонденция подождет, пока я выпью кофе. И волшебный сад, который, надо думать, в детстве мечтал стать избитой метафорой утерянного рая, тоже подождет, и дурацкий почтовый ящик, которого, разумеется, не существует.

Вообще-то, сейчас, когда на меня никто не смотрел и мыслей, смею надеяться, не читал, можно было бы оставить этот снисходительный тон, пинком прогнать внутреннего скептика, наспех сотворенного когда-то из вязкой глины детских разочарований специально для упрощения коммуникаций с внешним миром, и честно признать: на самом деле я погибаю от любопытства и нетерпения. С тех пор, как прочитал нелепое сообщение, написанное кириллицей, только и думаю, что про сад на улице Сельер. Привстал на цыпочки, затаил дыхание, жду.

Но внутренний скептик имеет надо мной куда большую власть, чем было задумано в момент его рождения. Вот и сейчас он буквально силком затащил меня в ближайшее кафе, а со всем остальным я отлично справился сам: обменял две монеты на чашку, наполненную ароматной тьмой, пригубил, вышел на террасу, сел, уставился на разрисованную пластиковую столешницу, достал блокнот, записал: *Жители города Нанси чертят на своих столах старинные карты мира, чтобы находиться одновременно всюду, оставаясь при этом дома.*

Это уже давно стало традицией, приезжая в незнакомый город, я записываю первое более-менее яркое впечатление; получается, можно сказать, новая «Книга чудес», потому что нет ничего причудливей, чем фрагмент правды, насильственно извлеченный рассказчиком из пестрой мозаики бытия и снабженный наивным комментарием озадаченного, но не утратившего вкуса к построению умозаключений инопланетянина. Как почти все, что я делаю, эти заметки не нужны и не интересны никому, кроме меня самого. В юности я полагал свой удел трагическим, но со временем понял, что это просто естественное положение вещей. Люди вообще нужны и интересны друг другу куда меньше, чем принято думать, разве только спину почесать, а если душа не лежит к этому занятию, следует привыкнуть к мысли, что тебя для окружающих как бы и нет вовсе. А еще лучше – научиться считать это не бедой, но преимуществом. Я научился.

Дописав, я одним глотком прикончил остывший эспрессо, купил в ближайшем киоске план города, с удивлением и даже некоторым разочарованием убедился, что улица Sellier действительно существует, даже Jardin de la Citadelle там отмечен крошечным зеленым прямоугольником, и неторопливо, с независимым видом зашагал по направлению к площади Короля Станислава, делая вид, будто ее хваленый архитектурный ансамбль занимает меня куда больше, чем тот факт, что от этой площади до моего сада практически рукой подать... До «моего»? Ого. Ничего себе.

Внутренний скептик был шокирован столь трепетным отношением к этому нелепому делу; еще больше его сердило, что улица и сад не оказались вымыслом, а значит не удастся вот прямо сейчас объявить меня легковверным ослом и закрыть тему, сэкономив, таким образом, кучу времени – ради чего, кстати, его следует экономить? Хороший вопрос.

Не желая сдаваться, внутренний скептик воздвигал на моем пути к таинственной корреспонденции все новые препятствия. Преувеличенно восхищался фальшивой позолотой решеток на площади Короля Станислава, долго топтался перед скучным фонтаном Нептуна, требовал вдумчиво насладиться ароматом цветущих лип на площади Ла Карьер и с таким неистовым ожесточением тащил меня к Кафедральному собору, будто всерьез вознамерился скормить тамошним позеленевшим от времени химерам. Наконец, отчаявшись, он уселся на стул первого попавшегося кафе и объявил, что без плотного завтрака шагу больше не сделает. Возражать было бессмысленно: этот мерзавец загодя включил легкое головокружение и уже держал палец на кнопке с надписью «нас всех тошнит». Пришлось покориться, уткнуться в меню, сделать выбор, терпеливо ждать сперва официанта, потом – его благополучного возвращения с омлетом, неторопливо есть, а в финале потребовать вторую чашку кофе, откинуться на спинку стула, блаженно вытянуть не успевшие пока устать ноги и закурить, как будто я совершенно не спешу рассчитаться, вскочить и отправиться на поиски Jardin de la Citadelle, больно надо, подумаешь.

Однако, когда я наконец поднялся, выяснилось, что до улицы Сельер вовсе не четверть часа ходьбы, как я предполагал, а рукой подать. Если верить карте, она начинается сразу за крепостными воротами, а ворота – вот же они, прямо передо мной, всего в сотне метров, странно, что я их раньше не увидел, как будто приблизились, пока я ел, ну или кафе аккуратно передвинулось, вместе с террасой, немногочисленными едоками и омлетом, поглотившим все мое внимание.

Ерунда какая, ухмыльнулся внутренний скептик, просто ты вышел сюда из-за угла и сразу уселся спиной к воротам, вот и не заметил, обычное дело, не выдумывай.

Ладно, какая разница, примирительно сказал я. И, поскольку внутренний скептик не смог изобрести ни одного мало-мальски убедительного предложения куда-нибудь срочно свернуть, поспешно зашагал к воротам.

Jardin de la Citadelle оказался совсем крошечным парком, разбитым, насколько я мог судить, на остатках древней крепостной стены, поэтому туда пришлось подниматься по каменной лестнице, скользкой от сотен тысяч минувших и будущих дождей. Я терпеть не могу аккуратные французские парки, но этот был настолько запущен, что уже почти превратился в английский – цветочные клумбы еще оставались на месте, зато кустарники давным-давно нарушили границы отведенной им территории, теперь они были всюду, расползлись по тропинкам, как пахучее зеленое тесто, убежавшее из квашни. В центре парка высились огромные клены. Когда-то, не сомневаюсь, они были посажены стройными рядами, но с тех пор успели разрастись, развернуться в разные стороны, переплестись кронами, образовать между небом и землей маленькую действующую модель мирового хаоса.

Никакого почтового отделения в парке, разумеется, не оказалось. Глупо было на это рассчитывать, снисходительно заметил мой внутренний скептик. И, великодушный, как все победители, добавил: ладно, можешь тут перекурить, чтобы не было ощущения, будто совсем уж напрасно шел. А потом, если не возражаешь, поищем что-нибудь *действительно* интересное.

Курить мне пока не особо хотелось, но иных предлогов задержаться в саду, еще не утратившем очарования, свойственного всем несбывшимся обещаниям, я изобрести не мог. Поэтому сел на скамейку, достал из кармана сигареты, и только тогда заметил, что я здесь не один. Другое человеческое существо, которое с одинаковым успехом могло оказаться мужчиной, женщиной и даже неуклюжим рослым ребенком, стояло под самым высоким кленом и,

задрал голову, что-то высматривало в его ветвях. Существо было облачено в черные джинсы и ярко-красную ветровку, на его голове топорщился коротенький ежик младенчески бело-курых волос, а за спиной болтался большой, но явно почти пустой рюкзак, уныло-розовый, как коровье вымя. Впрочем, я недолго любовался этим зрелищем, потому что почти сразу инстинктивно задрал голову: что оно там высматривает? Белку небось? Я тоже хочу.

Но вместо белки я увидел когда-то красный, а теперь потемневший от времени и влаги почтовый ящик, не прибитый, а старательно прикрученный к кленовому стволу несколькими слоями проволоки и бечевки метрах в четырех над землей.

Это скворечник. Или кормушка, – заявил мой внутренний скептик и поспешно втянул голову в плечи – стыд ему все-таки ведом, и столь беззастенчивой подтасовкой фактов он обычно не занимается. А этот почтовый ящик был именно почтовым ящиком и ничем иным, невзирая на совершенно неуместное положение в пространстве.

Существо в красной ветровке вздрогнуло, словно наши взгляды столкнулись там, наверху, и обернулось. Оно оказалось одной из тех некрасивых женщин, которые в любом возрасте похожи на красивых мальчиков; они это, надо думать, прекрасно понимают, поэтому всю жизнь коротко стригутся и платьев не надевают даже по праздникам. Мне они очень нравятся, все как одна.

– Huch! – вырвалось у нее.

В принципе, все европейцы удивляются более-менее одинаково, лингвистические сложности начинаются секунду спустя, но это был такой характерный немецкий «ух», что я невольно улыбнулся ей, как старой знакомой. С тех пор, как я поселился в Германии и принялся регулярно отсюда уезжать, немцы попадаются на моем пути буквально всюду, включая литовские деревни, черногорские супермаркеты и вагоны пригородных электричек, курсирующих по Италии. Не сомневаюсь, что если однажды я отправлюсь в путешествие, скажем, из Португалии в Новую Зеландию на судне под американским флагом и, потерпев кораблекрушение, окажусь на необитаемом острове, там непременно обнаружится какой-нибудь плотный, добротнo сработанный немец, сядет рядом со мной на песок и философски скажет: «Du scheisse»¹, – выразив, таким образом, наше общее мнение о сложившейся ситуации.

Но с женщиной в красной ветровке можно было поговорить о более жизнеутверждающих вещах. Например, как нас обоих зовут. И как это нам обоим приятно. И какой прекрасный город Нанси. И как удивительно, что мы вот так случайно встретились в этом маленьком парке. Мне-то рассказывать было особо нечего – приехал сюда на день из Парижа, просто так, посмотреть, раньше никогда тут не был. Нет-нет, я вовсе не в Париже живу, а в Берлине... Бабушка отсюда родом? Успела в свое время сбежать из Восточного? Ну надо же, какая молодец! И все в таком роде.

Белобрысая Биргит, похоже, сама не заметила, как уселась рядом со мной. Неодобрительно покосилась на мою сигарету, но тут же робко поинтересовалась, не найдется ли у меня еще одна?

– Потому что, – смущенно объяснила она, – я, вообще-то, бросила. Полгода назад. Уже в пятый раз. Это просто проклятие какое-то: я все время что-нибудь бросаю! Сперва – курить. Потом – есть. Потому что стоит бросить курить, и сразу начинаешь толстеть, никакой спорт не помогает. А мне нельзя толстеть, у меня и так фигура не очень, а все лишние килограммы откладываются на бока, и я становлюсь как веретено... И вот я голодаю день, другой, третий, потом срываюсь, покупаю какую-нибудь колбасу, ем ее с наслаждением, ненавижу себя и весь мир, и тут, наконец, вспоминаю, что табак прекрасно глушит чувство голода. Иду за сигаретами, и не жрать становится гораздо проще. Наконец, я получаю обратно свою более-менее сносную фигуру, успокаиваюсь и снова бросаю курить. И все начинается сна-

¹ По эмоциональному наполнению это восклицание ближе всего к русскому «ой, бя».

чала... А сейчас, по-моему, самое время закурить, – вздохнула она, яростно ушипнув себя за бок. И добавила: – Ужас в том, что я сама прекрасно понимаю, что веду себя, как идиотка. Но это совершенно ничего не меняет!

– Все мы ведем себя, как идиоты, – примирительно сказал я. – Просто некоторые особо одаренные экземпляры это о себе знают, а все остальные – нет. Так что добро пожаловать в ряды интеллектуальной элиты.

Биргит расхохоталась, хотя, вообще-то, моя унылая ирония не заслуживала столь бурной реакции. Видимо, табак после долгой разлуки действовал на нее как марихуана.

– Ты определенно великий философ и вообще хороший человек, – внезапно заключила она, отсмеявшись. – А значит, ты сможешь мне залезть на дерево. Другого я бы постеснялась попросить. А тебе, видишь, уже все сказала.

– Нет проблем, – согласился я. – На какое дерево?

Она возмущенно на меня уставилась – дескать, сам, что ли, не понимаешь, на какое? – и молча ткнула пальцем в направлении почтового ящика.

– Почту надо проверить?

Вопрос был сформулирован ехидным внутренним скептиком, но, к счастью, озвучил его я сам, наивная жертва телефонного недоразумения, явившаяся в этот заброшенный парк за мифической «корреспонденцией», поэтому реплика вышла скорее сочувственная, чем ироничная.

– Вот именно, проверить, – кивнула Биргит. Помолчала и почти неохотно добавила: – Понимаешь, этот почтовый ящик – просто легенда. Его, по идее, не существует. Но мне сейчас очень-очень надо, чтобы он все-таки был. Я его уже давно ищу – везде, вернее, в самых неподходящих местах, где не может быть никаких почтовых ящиков. И – вот, видишь? Может быть, это он и есть? Ну, мало ли.

– А что за легенда-то? – спросил я.

– Я даже не уверена, что эта история тянет на полноценную легенду, – смущенно сказала Биргит. – Просто есть такая тема, которая время от времени всплывает в разговорах, кто-нибудь да скажет как бы в шутку, что этот город порой вступает в дружескую переписку со своими жителями. Не со всеми, конечно. Только с важными для него персонами. Рассказывают, например, что когда польский король Станислав только-только стал лотарингским герцогом² и прибыл в Нанси, таинственный посланец в стеклянном плаще вручил ему приветственное письмо якобы от главы семейства Вож³. А когда несколько дней спустя Станислав решил лично поблагодарить отправителя за добрые слова и дельные советы, выяснилось, что такой семьи нет не только в Нанси, но и во всей Лотарингии.

Заметив, наконец, мое недоумение, она пояснила:

– «Вож» – так здесь называют восточный ветер. Герцог этого, понятно, тоже не знал, а когда узнал, сперва рассердился, что его разыграли, но потом решил, что советами из такого источника пренебрегать не следует, и правил, как принято говорить в таких случаях, долго и мудро... Но это – просто байка. Я хочу сказать, письмо от семейства Вож в архивах не сохранилось, и никаких упоминаний о нем в других документах не осталось. Вообще ничего, кроме самой истории, которую, впрочем, тоже мало кто знает. А вот что касается Эмиля Галле⁴...

² Станислав I Лещинский – воевода познанский, был избран королем Польши под нажимом Швеции, но не признан большинством шляхты. Поражение Карла XII под Полтавой (1709) лишило Станислава поддержки шведских войск, он эмигрировал в Пруссию, а затем во Францию. В 1738 году окончательно отказался от притязаний на польский престол и получил во владение Лотарингию, столицей которой был город Нанси.

³ Вож, вогез (*фр. vagues*) – так в Нанси называют восточный ветер.

⁴ Эмиль Галле – французский художник и дизайнер, один из основателей стиля «Ар Нуво». Родился в Нанси 8 мая 1846, в семье предпринимателя, производившего художественное стекло и керамику. Занимался рисованием и стеклodelием, а также ботаникой, минералогией и философией. После ухода отца на покой возглавил семейное дело и завел собственную мастерскую. В 1901 по инициативе Галле был организован «Провинциальный альянс художественной промышленности»,

– А что было с Эмилем Галле? – Оживился я. – К нему, что ли, тоже гонца отправляли?

– Это, кстати, совершенно прекрасно и удивительно, что ты не спрашиваешь, кто он такой. Можно подумать, я умерла и оказалась в специальном раю для искусствоведов. Это такое замечательное место, где все происходит примерно как при жизни, просто каждый случайный прохожий знает, кто такой Эмиль Галле. И это полностью меняет ситуацию.

– А ты, выходит, искусствовед?

– Ну да. И Эмиль Галле – как раз моя тема. Я уже много лет занимаюсь Нансией школой, точнее, их стеклом, а по стеклу как раз Галле главный. Я, собственно, затем в Нанси и приехала – монографию о его «говорящем стекле»⁵ писать, и тут вдруг все так закрутилось... Неважно. Важно, что про Эмиля Галле я знаю, пожалуй, больше, чем он сам о себе знал при жизни, хотя бы потому, что у него не было возможности дневники и личную переписку своих родных и знакомых читать, а у меня – есть. Так вот. Была одна история, о которой сам Галле ни разу не упомянул – я имею в виду, письменно – зато в чужих пересказах якобы с его слов она встречается аж четырежды. Причем, одна свидетельница – женщина из Веймара, где он учился, душевная подруга юности, переписку с которой Галле поддерживал на протяжении всей жизни, иногда, правда, с перерывами на несколько лет. В общем, практически нет шансов, что она была знакома с тремя другими источниками, а значит, велика вероятность, что история действительно известна ей со слов самого Галле... Ладно, на самом деле все это не очень важно. Как бы мы ни хотели сделать историю точной наукой, а она все равно никогда ею не станет.

К самой бессмысленной болтовне, если она ведется по-немецки, я привык относиться, как к бесплатному уроку разговорного языка, и принимать ее с благодарностью, но тут поне-многоу начал терять терпение.

– И что именно случилось с Эмилем Галле?

– Однажды, еще студентом, Галле вернулся в Нанси – к родителям, на каникулы. Он прогуливался по парку – какому именно, источники, к сожалению, не сообщают – и вдруг заметил почтовый ящик чуть ли не на самой верхушке высокого дерева. Залез туда из любопытства и обнаружил в ящике открытку. А на открытке – горящая лампа с прозрачным абажуром, расписанным диковинными цветами. Представляешь?!

На этом месте Биргит почему-то умолкла, адресовав мне смущенный и одновременно торжествующий взгляд.

– И что там было написано? – Спросил я.

– Понятия не имею. Скорее всего, ничего... Ой, дошло! Ты, наверное, просто не знаешь, что именно Эмиль Галле первым стал расписывать прозрачные абажуры, чтобы цвет прозрачных красок смешивался со светом лампы, до него так никто не делал. Даже Тиффани начал чуть-чуть позже. Значит, когда Галле был студентом, открытки с таким изображением просто не могло быть. Но она была! И подсказала ему грандиозную идею. В этом все дело.

– Круто, – откликнулся я. Впрочем, без особого энтузиазма. История про открытку меня скорее разочаровала. Подумаешь – расписной абажур. Тоже мне величайшая идея всех времен. Спасенное человечество кланяется в пояс.

– Ты не понимаешь, – огорчилась Биргит. – Потому что я неправильно рассказываю. Надо было сперва упомянуть разные важные обстоятельства. Например, сказать, что у Галле тогда был очень непростой период жизни. Он изучал ботанику, химию и одновременно философию. Эти науки интересовали его больше, чем стекло и керамика, которыми занимался отец. А тот, в свою очередь, мечтал вслух: вот, закончишь учебу, передам тебе свое предприятие, уйду на покой с легким сердцем. Если бы Эмиль решительно не желал заниматься отцовским

позднее известный как «Школа Нанси», который стал вторым (после Парижа) центром французского «Ар Нуво».

⁵ «Говорящими» называют стеклянные изделия Эмиля Галле с цитатами из Бодлера, Вийона, Верлена и других поэтов.

делом, было бы проще, всегда можно наотрез отказаться. Но проблема в том, что он и этого тоже хотел всем сердцем – быть художником, рисовать, лепить, мастерить красивые вещи. Столько всего хочется сделать, а жизнь всего одна, не успеть. Бедняга просто на стенку лез, не зная, что выбрать! И тут вдруг почтовый ящик на дереве, и эта открытка. Дело даже не в том, что годы спустя воплощение идеи принесло Галле славу и большие доходы. Просто в этой лампе с расписным светящимся абажуром все вдруг чудесным образом соединилось: отцовское стекло как основа, знание ботаники, необходимое для создания растительного орнамента, химия, чтобы составлять специальные прозрачные краски, ну и философия – это же, понимаешь, такая специальная невидимая колба, превращающая любое действие в алхимическое чудо. И тогда он вдруг понял, *как можно*. И решил для себя, как все теперь будет – раз и навсегда. И с того дня был счастлив. По его собственному утверждению, всегда, что бы ни происходило в жизни. Потому что счастье – естественное состояние человека, который знает свое предназначение и следует ему, для такого любые житейские невзгоды – просто рябь на поверхности. Теперь понимаешь?

– Теперь понимаю, – эхом откликнулся я. И не удержался от вопроса: – Ты поэтому хочешь залезть на дерево? Думаешь, там, в ящике, какая-нибудь открытка? Специально для тебя?

– Конечно, ничего такого я не думаю, – вздохнула Биргит. – Это было бы очень глупо, тебе не кажется?

Я понимающе улыбнулся, и она, чуть помедлив, тоже.

– Поэтому я не думаю, а просто надеюсь. Надежда сама по себе довольно дурацкое чувство. Надеяться можно на что угодно, в том числе, на всякие глупости, которые нормальному человеку и в голову не придут.

Надо же, родная душа. Ее рассуждения были ужасно похожи на мои дипломатические отношения с внутренним скептиком: всерьез обдумывать всякую чепуху я, из уважения к его могучему интеллекту, конечно, не стану. Разве только втайне надеяться, что... Что.

Я наконец вспомнил, за каким чертом сам притащился в этот парк. Дурацкое телефонное сообщение, написанное кириллицей, тревожное и прельстительное: «*Ваша корреспонденция доставлена по адресу: Nancy, Rue Sellier, Jardin de la Citadelle, почтовый ящик*». Это что же получается, замирая от восторга, спросил я себя. На дереве, что ли, *тот самый* почтовый ящик? Там для меня, выходит, послание припрятано? И получив его, я внезапно пойму, *как можно*? И с этого момента буду счастлив всегда, что бы ни случилось, потому что человеку, который узнал свое предназначение, иначе нельзя? О, господи.

Мой внутренний скептик отвернулся и демонстративно зажал уши, не желая иметь никакого отношения к происходящему. Но без него оказалось даже лучше. Я открыл было рот, чтобы рассказать Биргит про sms и предложить ей поучаствовать в получении моей таинственной корреспонденции, но она заговорила первой, и я не стал перебивать.

– Понимаешь, и герцог Станислав, и Эмиль Галле – они знаменитости, великие люди, каждый в своем роде. А про знаменитостей чего только не рассказывают. Я бы не стала искать этот почтовый ящик, если бы не Доротея. Она – хозяйка квартиры, которую я снимаю. Уж точно не знаменитость. Хотя, конечно, обычной дамой ее не назовешь. Ей уже почти шестьдесят, а с виду больше сорока не дашь. Красивая – слов нет. И светится изнутри, как лампы Галле, которыми я тебе зачем-то все уши прожужжала. И вечно занята по горло, у нее художественная студия, где дети учатся рисовать вместе с родителями, два литературных клуба, один для читателей, а второй для любителей придумывать детективные сюжеты, раз в неделю она проводит экскурсии по городу, причем только для местных жителей, которые давно привыкли жить среди этой красоты и поэтому ее не замечают, и еще что-то – я, видишь, запомнить не могу, а она все это придумала, организовала и уже много лет на себе тянет. И, похоже, ужасно счастлива... Так вот, мы как-то незаметно подружились, я вообще легко схожусь

с людьми, и однажды Доротея мне рассказала, что прежде жила совсем иначе: бездельничала, скучала, часто болела, детей не завела, и муж ее, как водится, бросил ради молоденькой студентки, после двадцати лет совместной жизни – что еще надо женщине, чтобы почувствовать себя абсолютно несчастной? Говорит, что не покончила с собой только потому, что трусиха, никаких иных резонов жить дальше у нее не было. И тут в один прекрасный день она обнаружила на пороге извещение. Дескать, на ваше имя пришла корреспонденция, будьте любезны явиться по адресу...

– Улица Сельер, сад Цитадели, – продолжил я.

– Нет-нет-нет. Парк Шарля Третьего. Это в другой стороне, возле реки. Неважно. В общем, совсем рядом с ее домом, поэтому Доротея не удивилась, решила, что почтовое отделение переехало по другому адресу. В парк, так в парк, чего только не случается. И пошла. Но в парке, конечно, никакого почтового отделения не было, только клумбы, кусты, скамейки и мамы с колясками. Доротея ужасно расстроилась, села на скамейку под деревом в стороне от прогулочных дорожек, чтобы никто ее не видел, расплакалась, и никак не могла успокоиться – ну, знаешь, как бывает, когда все плохо, любая мелочь может стать последней каплей. Сидела, рыдала, и вдруг почувствовала, что в ее затылок упирается что-то твердое. Обернулась, а там, на дереве, металлический почтовый ящик. Самый обычный, точно такой же, как у нее дома, только без номера квартиры и прикручен к стволу куском каната с обрывками тряпичных флажков, как будто его на каком-нибудь детском празднике позаимствовали. И Доротея так удивилась, что даже плакать перестала. А потом увидела, что ящик приоткрыт, и внутри что-то белеет. И, почти не соображая, что делает, протянула руку и взяла конверт. А там ее фамилия. И внутри – нет, не открытка, а просто письмо. Доротея мне не пересказывала, что там было написано. Только сказала, что нашла в письме очень простые и понятные ответы на все вопросы, которые у нее никогда не хватало смелости себе задать. И что назвать это письмо спасательным кругом для утопающего – значит очень сильно преуменьшить его значение. И что с тех пор все стало совсем иначе... И вот ее история меня зацепила. Так зацепила, что я уже который день по паркам брожу, и не только по паркам, хотя мне-то никакого извещения не присылали... Но все равно.

– погоди, а почему ты просто не пошла в парк не помню какого по счету Шарля?

– Третьего. Конечно же, я туда пошла. Первым делом! Но там не было никакого почтового ящика. Понимаешь, не факт, что он всегда висит на одном и том же месте. Доротея говорит, что слышала похожую историю от человека, который нашел почтовый ящик с каким-то важным для него письмом на набережной Мёрта⁶. Он там просто валялся, как сломанный стул. Это, конечно, может быть выдумка. И история самой Доротеи тоже. Она вполне могла меня разыграть, почему нет. В Нанси, как, наверное, в любом другом городе, обожают потешаться над приезжими, особенно над романтичными натурами, вроде меня. Мне вон недавно на университетской вечеринке коллеги с серьезными лицами описывали торжественный выезд герцога Станислава, который якобы можно увидеть на площади в самую темную майскую ночь, и любезно подсказывали, что ближайшее новолуние двадцать четвертого мая, то есть, буквально на днях, надеялись, я побегу проверять... А все-таки сюжет с письмами и почтовыми ящиками повторяется слишком часто. И нравится мне так сильно, что я просто не могла не поверить. И, потом, мне сейчас, кажется, вообще больше не на что надеяться, – вздохнула она. Смутилась, словно сказала лишнее, но тут же встряхнулась и деловито спросила: – Так ты поможешь мне забраться на дерево? Подсадишь?

Я открыл было рот, чтобы рассказать наконец свою историю и объявить, что там, на дереве, *мой* почтовый ящик, а в нем *моя* корреспонденция, но в последний момент передумал. Чего зря болтать. Пусть лезет, если так припекло, а там видно будет – чья это корреспонденция.

⁶ Мёрт (Meurthe) – река, на берегах которой стоит Нанси.

денция, если она там вообще есть, в чем я очень со... Да нет, вру. В тот момент я не испытывал никаких сомнений. Внутренний скептик уставился на меня, разинув рот, словно впервые увидел. И его можно понять.

Я, впрочем, и без его подсказки осознавал, что со мной творится неладное. Получить необъяснимое телефонное уведомление и из любопытства явиться по указанному адресу – это еще куда ни шло. Заинтересоваться обнаруженным в парке почтовым ящиком – совершенно нормально, а кто бы на моем месте не заинтересовался? Выслушать все, что рассказала мне первая встречная эксцентричная фрау – ладно, допустим; в конце концов, это был очередной экзамен по разговорному немецкому, который я сдал на твердую «пятерку», понял все, до единого слова. Но пялиться на облезлый почтовый ящик, как на святыню – это уже перебор. Думать: «Там очень важное послание, которое перевернет мою жизнь», – как минимум, глупость. А сказать себе: «Ладно, пусть сначала девочка посмотрит, ей, похоже, здорово приспичило», – это уже натуральное безумие. Потому что пока ты чего-то для себя хочешь, пусть даже чуда – все более-менее в порядке, желание вовсе не тождественно вере. Но когда ты готов что-то отдать, значит, полагаешь, будто оно у тебя есть. Это уже не слепая вера, а твердое знание. Верный признак безумия, если называть вещи своими именами.

И если продолжить называть вещи своими именами, придется признать: в тот момент я совершенно точно знал, что в почтовом ящике на дереве лежит послание, которого я ждал всю жизнь, сам не понимая, чего жду. И одновременно я знал, что если ящик откроет Биргит, окажется, что письмо адресовано ей, а я останусь не у дел, жалким очевидцем, которому, в случае чего, никто не поверит, так что и пробовать рассказать эту историю бессмысленно. Таковы правила игры, я их не придумал, они существуют сами по себе – и очень жаль, кстати, будь это мои фантазии, в них непременно нашлось бы место достойному компромиссу, мы с Биргит достали бы из этого чертова ящика, как минимум, два письма, а лучше – еще дюжину, для родных и близких, чтобы все были довольны.

Я, видимо слишком долго молчал, потому что Биргит почти шепотом повторила свой вопрос:

– Так ты мне поможешь?

Она была такая трогательная – стриженная, белобрысая женщина без возраста, похожая на мальчишку, в бесформенной одежде, с дурацким розовым рюкзаком. На лице запоздалое смущение, а в глазах – такая дикая смесь надежды и страха, что я предпочел не заглядывать глубже, не высматривать, что заставило ее цепляться за дурацкую городскую легенду, как за единственный шанс на спасение – от чего, от кого? Не хочу этого знать. Пусть лезет в ящик, пусть найдет там свое письмо. Ей, похоже, действительно очень надо.

– Конечно помогу, – улыбнулся я. – Если ты встанешь мне на плечи, скорее, всего, дотянешься.

– А ты выдержишь? – Забеспокоился Биргит. – Я сейчас такая толстая! Шестьдесят семь килограммов, – и, мучительно покраснев, поправилась: – Это две недели назад было шестьдесят семь, а теперь, наверное, уже все семьдесят...

– Какая ерунда, – мужественно сказал я. – Кстати, при твоём росте вполне нормальный вес, так что не выдумывай.

Как бы я ни храбрился, но природа, увы, создала меня не для переноски тяжестей, а с какой-то иной, до сих пор неведомой мне целью. Поэтому когда я присел на корточки, и Биргит вскарабкалась мне на плечи, я едва не завалился на бок. А когда осознал, что сейчас мне предстоит подняться с этим грузом, окончательно утратил надежду на успех нашего предприятия. Но все-таки начал понемногу выпрямляться, упирась руками в кленовый ствол. Биргит тоже держалась за дерево, старалась перенести на него часть своего веса, и вообще

помогала мне, как могла. Думаю, у нас все получилось лишь потому, что ее вера в меня была несокрушима.

Когда Биргит крикнула: «Есть!» – я ушам своим не поверил, но присел, медленно и аккуратно, и только когда она, наконец, слезла, позволил себе расслабиться и тут же рухнул на траву, как мешок с навозом – при условии, что мешки с навозом способны испытывать облегчение и блаженство.

– Я тебе что-то повредила? – Испуганно спросила Биргит.

– Не выдумывай, – отмахнулся я, вытягиваясь в полный рост. – Мне хорошо. Так что, там было какое-то письмо?

– Было! Есть! Я взяла! – звенящим от счастья и ужаса голосом доложила Биргит. И шепотом добавила: – Оно мне! Тут мое имя. Мое имя! Только теперь открывать страшно.

– Мне бы тоже было страшно, – сказал я. – Но я бы все равно сразу открыл. Пока оно не передумало.

– Кто – «оно»? – Растерянно спросила Биргит.

– Письмо, конечно. Пока оно не передумало быть адресованным мне.

Слышал бы меня сейчас внутренний скептик.

Но на Биргит мои слова подействовали: она, наконец, вскрыла конверт, достала оттуда сложенный вчетверо бумажный листок, развернула, принялась читать. А я лежал на спине и смотрел снизу вверх, как меняется ее лицо. Как уходит напряжение, разглаживаются морщинки, а глаза начинают сиять. Преображение это было столь стремительным и великолепным, что я вдруг почувствовал себя лишним. Такие вещи должны происходить с человеком, когда он один, подумал я. Без свидетелей, без посторонних.

Я осторожно поднялся и, стараясь ступать беззвучно, пошел прочь. Напрасная предосторожность – Биргит сейчас, пожалуй, и на работающую газонокосилку не обратила бы внимания. Весь мир временно исчез для нее, и я вместе с ним. Оно и к лучшему.

Все к лучшему, абсолютно все, говорил я себе час спустя, сидя на скамейке в парке имени Шарля Третьего, куда, разумеется, не мог не пойти.

Ей было очень надо, ты это сам видел, а потом ты видел, как исчез ее потаенный страх, и это было лучшее зрелище в твоей жизни, – напоминал я себе два часа спустя, за столиком уличного кафе, разбавляя душевную горечь горчайшим эспрессо, сваренным из тщательно сожженных зерен с лучших бразильских плантаций.

В конце концов, зачем тебе какое-то послание, пусть даже самое расчудесное, спрашивал я себя три часа спустя, на углу улиц святого Николая и не менее святой Анны, которые, если верить купленной утром карте, не могли пересекаться, поскольку шли параллельно друг другу. У тебя все и так хорошо, напоминал я себе, жизнь твоя прекрасна и удивительна, хоть и не соответствует порой ожиданиям – так она вроде бы и не должна.

Тем более, там наверняка была написана какая-то херня, – на этот раз внутренний скептик действовал из наилучших побуждений. Он всерьез полагал, что меня можно таким образом утешить.

Это у меня на лбу написана какая-то херня, огрызнулся я. И в книге судебных напротив моего имени заодно. Огненными скрижалями.

Но, вопреки столь мрачному ходу мыслей, я вдруг улыбнулся, потому что снова вспомнил, как менялось лицо Биргит – прежде я никогда не думал, что человек может так преобразиться за одно мгновение, а теперь знаю – бывает.

Собственно говоря, возможно это и было послание, адресованное тебе, балда, подумал я. Важная информация, внятный ответ на вопрос, который ты нипочем не додумался бы задать. Тебе сейчас прыгать от радости надо, а не таскаться с унылой рожей по прекрасному городу Нанси, который, честное слово, не заслужил подобного отношения.

Мне вдруг стало так хорошо, что я решил никуда пока не идти, чтобы не расплескать это удивительное ощущение *покоя и воли* – вот какое состояние, оказывается, описывает давно опостылевшая мне цитата, пока не попробуешь, не узнаешь, как это бывает, и ни черта не поймешь.

Я присел на ступеньку ближайшего дома и сидел так долго-долго, подставив лицо горячему солнцу и холодному ветру по имени Вож, который сперва всласть наигрался с моими давно не стриженными волосами и полами распахнутой куртки, а потом вдруг швырнул мне под ноги бумажный комочек и притих, выжидая.

В другое время я бы на эту скомканную бумажку внимания не обратил, а теперь поднял, развернул, разгладил и, наконец, решился посмотреть – что там?

Там было написано от руки, бегло и неразборчиво: «Все только начинается», – и больше ничего. Никаких разъяснений – что именно начинается, для кого, когда и зачем, и как в связи с этим я должен себя вести. Но этого оказалось достаточно, чтобы мы с внутренним скептиком дружно перевели дыхание, обнялись от полноты чувств, поерзали на ступеньке, устраиваясь поудобнее, и сидели так долго-долго, а потом...

β

Когда умолкли колокола Гроссмюнстера⁷, а секундой позже – Фраумюнстера⁸, вторившие им с другого берега Лиммата, и наступила так называемая *тишина*, густо замешанная на разном языке гуле голосов, урчании автомобильных двигателей и перезвоне резвых синих трамваев, я услышал, что где-то поблизости играет орган – недостаточно громко, чтобы я мог вот так сразу разобрать мелодию, но и не настолько тихо, чтобы сказать себе: «померещилось». Пожал плечами – дескать, надо же, чего только не бывает, пошел дальше и лишь сделав несколько десятков шагов, понял, что уже не просто бреду куда глаза глядят, а целеустремленно направляюсь к источнику звука. Всегда подозревал, что при случае потащился бы за дудочником из Гамельна на край света, даже если там, на краю лишь огонь и вода; выходит, за органистом из Цюриха – тоже, как миленький.

Он, впрочем, оказался баянистом – такова была глубина моего падения. Толстый старик с баяном, одетый как огородное пугало из зажиточной усадьбы, сидел на раскладном стуле у входа в Васеркирхе⁹, у ног распахнутый чемодан выставил на всеобщее обозрение плюшевую подкладку цвета небесного гнева, рядом пластиковая лоханка для пожертвований, почти до краев наполненная мелкими монетами. Из центра этой нелепой композиции лилась Баховская fuga, не то До, не то Ре мажор, короче, *та самая* – тот факт, что я всегда теряю разум, услышав первые же аккорды, совершенно не помогает запомнить название; скорее, наоборот. На почтительном расстоянии топталась добрая дюжина опьяненных внезапной культурной атакой жертв; теперь я был одним из них, и ничего не мог с этим поделать. Бах есть Бах, в любом исполнении.

И, кстати об исполнении. Самое поразительное, что оно абсолютно меня устраивало – даже теперь, после наглядного знакомства с недостойным источником божественных звуков. И не потому что я утратил последние остатки критического подхода к действительности, это проклятие, боюсь, никогда меня не оставит, просто музыка звучала безупречно, не придерешься. Что-то тут было не так. Вернее, вообще все не так. Я знаю, что фуги Баха вполне можно воспроизвести на баяне, в конце концов, тоже духовой инструмент, слабоумный младший братец органа. Но звучит он совершенно иначе. Я, конечно, не музыкант, но до сих пор был уверен, что баян от органа худо-бедно отличить способен. И вдруг так облажался. Надо же.

Только когда музыка умолкла, и вместо тишины на нас обрушился громкий треск, в котором я не без труда опознал шум аплодисментов, до меня, наконец, дошло. Боже милостивый, да это же просто запись. Чемодан тут не для красоты стоит. В нем спрятано воспроизводящее устройство. То есть, я все-таки не рехнулся, это была самая настоящая органная музыка – в записи. А хитрый дед просто исполнял пантомиму, его баян и звука не издал. Смешно, кто бы спорил.

⁷ Grossmünster (великий монастырь) – самый большой собор Цюриха, церковь при мужском монастыре на правом берегу Лиммата. Сердцевина здания была построена на месте предыдущего строения в 1100 году. По легенде, Гроссмюнстер был основан Карлом Великим, чей конь упал на колени на могиле Феликса и Регулы – святых покровителей Цюриха.

⁸ Fraumünster (женский монастырь) – женское бенедиктинское аббатство, которое в 853 году основал король Людвиг II Немецкий для своей дочери Хильдегарды. В 1045 году король Германии Генрих III даровал монастырю право владеть рынками, собирать пошлины и чеканить монеты, фактически сделав аббатису главой города. Аббатство перестало существовать в 1524 году. Теперь Фраумюнстер – просто церковь на левом берегу Лиммата, знаменитая, в первую очередь, благодаря витражам работы Марка Шагала и Августо Джакометти.

⁹ Wasserkirche (что значит «Водная Церковь») построена в 10 веке, реставрировалась в разное время и была полностью реконструирована к 1486 году. Она стоит на небольшом островке на реке Лиммат, который стал частью правого берега, после постройки набережной Limmatquai в 1839 году. Это место, использовавшееся для культовых собраний, начиная с античных времен, центрировано вокруг камня, находящегося ныне в крипте церкви.

Я заметил, что старик на меня смотрит, внимательно и лукаво – дескать, как я тебя провёл? Я невольно улыбнулся, укоризненно покачал головой и погрозил ему пальцем – обманывать нехорошо! Баянист скорчил постную физиономию кающегося грешника, смиренно кивнул, но тут же ухмыльнулся и выразительно ткнул указующим перстом в направлении емкости для денег. Дескать, сперва заплати за развлечение, а потом привередничай. И тогда я, может быть, снова сделаю вид, будто мне стало стыдно.

Я счел требование вполне справедливым, выгреб из кармана несколько полуфранков, присоединил их к даяниям своих многочисленных предшественников, отошел в сторону, присел на каменный парапет набережной и приготовился слушать дальше. Бах есть Бах, и я не готов добровольно покинуть место, где звучит его музыка, пусть даже и в записи, не так уж я прихотлив.

Старый обманщик проводил меня взглядом, увидел, что я остаюсь, одобрительно кивнул и взялся за баян. Мир снова наполнился звуками органа, столь чистыми и глубокими, каких не во всяком концертном зале и далеко не с любым *настоящим* инструментом добьешься. Я снова подумал: что-то тут не так, а потом перестал думать, потому что музыка Баха словно бы специально создана для того, чтобы приводить мой разум в полную негодность, просто в некоторых особых случаях это происходит в первое же мгновение, а во всех прочих – секунду спустя.

Наконец музыка умолкла. Пока я приходил в сознание и разминал затекшие от долгого сидения ноги, публика как-то незаметно разбрелась, а баянист начал собираться. Пересыпал монеты в поясную сумку и принялся закрывать чемодан.

Убедившись, что концерт окончен, я стал обдумывать свой дальнейший маршрут, и тут старик вдруг обернулся ко мне и сделал столь недвусмысленный жест: «стой, где стоишь», – что я зачем-то кивнул, нерешительно переступил с ноги на ногу, но никуда не пошел, а принялся смотреть, как он складывает стул. Лениво размышлял, как же бедняга все это потащит, и не следует ли предложить ему помощь. С другой стороны, справлялся же он как-то без меня вчера, позавчера, и вообще всю жизнь.

Он и сейчас превосходно справился. Передвинул перевязь так, что баян повис на спине, как нелепый громоздкий рюкзак, одной рукой взял сложенный стул, другой чемодан, но тут, похоже, снова вспомнил обо мне, оглянулся, подмигнул, как сообщнику, поставил чемодан на землю, и поманил меня, как любопытного, но оробевшего перед незнакомцем ребенка.

Я послушно встал и пошел к нему. Когда я приблизился на расстояние вытянутой руки и остановился, потому что куда уж ближе, старик одобрительно улыбнулся, зачем-то приложил палец к губам – дескать, помалкивай – воздел руку к небу и энергично ею взмахнул. Я помню, успел снисходительно подумать, что такой залихватский бессмысленный жест подошел бы провинциальному фокуснику, но тут раздались звуки органа, первые аккорды *той самой* фуги, которая не то До, не то Ре, а может и вовсе Соль мажор, и я застыл, как громом пораженный. Поначалу, помню, пытался сообразить, откуда она звучит теперь, когда чемодан закрыт, а потом уже ни о чем не думал, только стоял и слушал, только *был*.

Старый баянист, тем временем, подхватил свой чемодан и с прытью, какой не ожидаешь от человека его возраста и комплекции, широкими, как прыжки, шагами удалился в сторону моста. Но музыка не становилась тише, и когда старик совсем скрылся из вида, она продолжала литься, пока не добралась до коды.

Я еще какое-то время стоял у Васеркирхе, счастливый и опустошенный, вспоминая, кто я такой, откуда здесь взялся, и что, собственно, означает «здесь», а потом, наконец, вспомнил, развернулся и улетел.

У

«Взрослые жители города Динь-ле-Бен носят каменные плащи, а дети ходят по улицам в позолоченных масках, без которых им не позволено показываться на людях».

Это я когда-то написал. Нет ничего лучше, чем говорить и писать только правду, важно лишь отделять наиболее эффектные ее составляющие от прочих и преподносить их, как обычное информационное сообщение – сухо, лаконично, без словесных завитушек и прочих кондитерских излишеств.

Вот и тут я ничего не выдумал, просто изложил факты, другое дело, что не все. Опустил некоторые малозначительные подробности.

Если обстоятельно, ничего не упуская, рассказать, как было дело, большая часть очарования пропадет. Но тут уж ничего не поделаешь.

Я впервые попал в Динь-ле-Бен лет семь назад, совершенно случайно и находился там максимум полчаса, да и то только потому, что на окраине этого городка приятелю, с которым мы колесили по Провансу, позвонил кто-то, как ему тогда казалось, чрезвычайно важный; теперь-то он вспомнить не может, что это был за звонок, вот что творит с нами время.

Но тогда он спешно припарковался у тротуара и попросил меня сходить за водой – дескать, наши запасы подошли к концу. Я не стал напоминать, что в багажнике еще как минимум две бутылки, ясно же, что человек хочет остаться наедине со своим невидимым собеседником, я и сам не люблю разговаривать по телефону в чужом присутствии – при том, что секретов у меня много меньше, чем полагается на среднестатистическую заблудшую душу населения; строго говоря, их вообще нет.

В общем, я пошел за водой, радуясь возможности размять ноги. Почти сразу заметил в конце квартала непрезентабельный бар с белыми пластиковыми столами у входа и двинул туда в надежде получить не только воду, но и чашку кофе.

Дело близилось к вечеру, на улицах было пусто, как будто карантин объявили, и тут из-за угла вышел человек, небрежно набросивший на плечи кусок плотной клеенки, имитирующей каменную кладку – такой иногда оклеивают стены бедняки с неутолимой тягой к прекрасному. Во всех остальных отношениях прохожий был совершенно зауряден – мужчина средних лет, с серьезным и сосредоточенным носатым лицом. Я бы его, наверное, и сейчас узнал, так он меня впечатлил.

Я долго глядел вслед этому стихийному кутюрье, сожалея об оставленном в машине фотоаппарате, а налюбовавшись, нырнул в бар, купил четыре бутылки минеральной воды, залпом проглотил горький эспрессо, вышел на улицу и увидел, что навстречу мне шагает симпатичное семейство: молодая пара с дочкой лет пяти и совсем мелким мальчишкой. Родители в неброской повседневной одежде, зато потомство в карнавальных масках – видимо возвращаются с какого-нибудь детского праздника. На девице нечто золотисто-зеленое с кошачьими ушами и разноцветными перьями, а на ее братишке – классическая венецианская «баута»¹⁰, совершенно не подходящая к его крошечным размерам, тоже обильно позолоченная.

Я внутренне взвыл от восторга. Вернулся в машину, где уже нетерпеливо подпрыгивал вволю наговорившийся приятель, сказал небрежно: «Ну и городок! Взрослые здесь ходят в каменных плащах, а дети носят золоченые маски», – и вдруг понял, что именно так и надо рассказывать о городах: правду и только правду, просто не всю, а только самую интересную ее часть.

¹⁰ Одна из самых популярных венецианских масок. Нижняя часть ее устроена таким образом, что обладатель маски может есть и пить, не обнажая лица.

Я даже книгу такую собирался написать – своего рода путеводитель по Европе, перечень городов с короткими, в две-три строчки описаниями тамошних нравов и обычаев. Но, конечно, забросил, да и кому нужна эта книга. Ясно же, что ни один издатель даже стопкой газетной бумаги ради такой авантюры не рискнет, а по мне, если уж делать, то качественную, дорогую, с цветными картинками на каждой странице, как, скажем, издали «Книгу чудес» Марко Поло, потому что я, в сущности, и есть новый Марко Поло, не единственный, один из многих, очередной странник по Terra Incognita, очарованный разнообразием мира. А вы – в смысле, все остальное человечество, включая моих родных и друзей – психавцы, заклинатели рыб и люди с ногами-зонтиками, чьим причудливым поведением я никогда не перестану удивляться.

Короче говоря, я забил на эту затею. А какое-то время спустя, нашел в компьютере файл со старыми записями, перечитал, порадовался, выложил их в своем блоге, заново вдохновившись, написал еще дюжину, и снова благополучно забыл о несостоявшемся проекте. Время от времени мне о нем, конечно, напоминают. Очень забавно бывает, когда кто-нибудь из новых знакомых принимается рассказывать: прикинь, на юге Франции есть городок, где детям не разрешают выходить на улицу без масок. И в школу в масках ходят, и на спорт, и мусор выносят, то есть, вообще только на ночь их снимают, да и то не факт. Вроде, в этом городке раньше особо злобные ведьмы жили, а может, и до сих пор живут, народ боится, что младенцев сглазят, вот и придумали им лица закрывать, авось поможет. Двадцать первый век на дворе, а они...

Меня всегда поражала в ближних способность находить правдоподобные объяснения самым нелепым фактам. Это надо же – ведьм каких-то приплели, хоть стой, хоть падай. А все равно приятно наблюдать, как твоя дурацкая байка вдруг обретает историческую подоплеку, фольклорную глубину и документальную достоверность, превращается в легенду, которая, на мой взгляд, и есть наивысшая стадия развития правды.

Когда на страницах очередной интернет-газеты, из тех, чья бурная жизнь заканчивается аккуратно накануне даты выплаты гонораров авторам первого выпуска, появилась статья о городе Динь-ле-Бен, где дети ни при каких обстоятельствах не выходят из дома без маски, я, помню, очень обрадовался. Автор молодец – вместо того, чтобы, как это обычно делают в изданиях такого уровня, тупо скопировать мою старую запись, присовокупив к ней бредовые домыслы о «защите от сглаза», потрудился как следует, нарыл по справочникам дополнительную информацию. Оказалось, Динь-ле-Бен не просто умеренно живописное захолустье, а столица департамента Альпы Верхнего Прованса, к тому же, курорт, известный своими минеральными источниками и даже центр изучения тибетского буддизма, кто бы мог подумать.

На фоне этих полезных сведений телега о детях в масках выглядела чрезвычайно достоверно, лучше даже, чем в моем лаконичном пересказе, которым я, впрочем, по-прежнему был доволен – теперь даже больше, чем когда-либо. Полюбил его задним числом, зато всем сердцем, как любят всякое неожиданно проросшее семя.

«Что же касается упомянутого в романе Виктора Гюго «Отверженные» обычая жителей Диня носить так называемые «каменные», а точнее, отделанные тщательно отшлифованной речной галькой короткие плащи, – добавлял автор статьи, – следует признать, что современные горожане вспоминают об этой традиции только в особо торжественных случаях, причем, как правило, ограничиваются простой имитацией – плащами из ткани с соответствующим рисунком. Так что настоящие диньские каменные плащи теперь можно увидеть только на официальных лицах в дни городских праздников и в местном краеведческом музее – круглый год».

На этом месте я озадаченно хмыкнул, перечитал абзац еще раз – да, действительно, *«упомянутого в романе Виктора Гюго «Отверженные» обычая»*, – так и написано, черным по белому, вернее, темно-коричневым по голубому, в соответствии с капризом фантазии веб-

дизайнера. А я-то думал, мне тогда случайно городской сумасшедший на глаза попался... Или журналист просто развлекается, мистифицируя читателей? А что ж, святое дело, прекрасный способ получить удовольствие от работы, за которую вряд ли когда-нибудь заплатят. В общем, надо бы проверить.

«Отверженных» я, конечно, читал, но очень давно, еще в школе, и вряд ли внимательно – даже тот факт, что там вообще как-то упомянут городок Динь-ле-Бен, стал для меня сюрпризом.

Поскольку моя библиотека давным-давно рассеялась по миру, пришлось искать «Отверженных» в интернете. Нашел, открыл – смотри-ка, действительно начинается с того, что Шарля-Франсуа-Бьенвеню Мириэля назначают епископом Диня. Я принялся читать дальше и почти сразу, в первой же главе обнаружил: *«Мириелю пришлось испытать судьбу всякого нового человека, попавшего в маленький городок, где много языков, которые бормочут, и очень мало голов, которые думают, а под каменными плащами скрываются сердца, столь же мелкие и твердые, как пушенная на отделку речная галька»*¹¹. Надо же.

– Ну ничего себе, – вслух сказал я. – Это, выходит, мне, дураку проезжему, сразу самое главное показали. А я не оценил. Но тогда получается, что и дети в масках?..

Я немного подумал и решил: нет, ни фиги. Не получается. Плащи, к которым пришиты камни, – почему нет, особенно если только по торжественным случаям. Но про детей в масках – это все-таки просто трансформация моей байки. Не может такого быть, чтобы дети всегда в масках из дома выходили. Неудобно это. Негигиенично. И вообще мракобесие. А у нас двадцать первый век на дворе, ну.

Еще несколько месяцев спустя, поставленный перед необходимостью за пять минут до отхода поезда приобрести что-нибудь мало-мальски пригодное для чтения, я купил в вокзальном киоске журнал «Вокруг света», обожаемый в детстве, навеки похороненный вместе с другими любимыми игрушками тех времен, но внезапно обретший посмертное гляцевое существование. И, открыв его, сразу наткнулся на большой материал про Динь-ле-Бен. Большая, на весь разворот фотография: дети разного возраста на пороге школы, некоторые позируют фотографу, некоторые бегут по своим делам. Все как один в масках – от самых простых, закрывающих только часть лица, до роскошных, в блестках и перьях.

Карнавал, неуверенно подумал я. На следующей странице будет статья о праздниках в Верхнем Провансе, или что-то в таком духе, потому что не может же быть...

Вопреки моим попыткам договориться с реальностью, внезапно взбунтовавшейся против моих ограниченных представлений о ее возможностях, статья была полностью посвящена удивительному, с точки зрения автора, консерватизму жителей Динь-ле-Бена, по сей день неукоснительно соблюдающих старинный обычай не выпускать детей из дома без масок – вплоть до совершеннолетия. Снимки, изображающие ряженных детишек, прилагались во множестве. Особенно эффектно выглядели грудные младенцы в ярких полумасках из мягкой (я всем сердцем на это надеялся) ткани.

Ох ты господи, подумал я. Как же далеко дело зашло. Славно, конечно, сложилась жизнь у моей старой байки. Но откуда взялись фотографии?

Фотошоп, – безапелляционно объявили остатки моего здравого смысла. Но в их устах этот железобетонный аргумент почему-то прозвучал крайне неубедительно.

Несколько дней я честно старался выбросить из головы детей Динь-ле-Бена, но они набились туда, все до единого, и маски не забыли прихватить. Счастье, что в городе с населением

¹¹ Та часть фрагмента, которая действительно соответствует оригиналу, приведена здесь в переводе А. Н. Коган и Д. Г. Лившиц.

восемнадцать тысяч человек не так уж много детей, поэтому голова моя уцелела, не лопнула, не разлетелась на куски. Но думать я больше ни о чем не мог, это факт. В конце концов, понял, что не успокоюсь, пока собственными глазами не увижу, как обстоят дела, плюнул на срочную работу и почти полностью выпотрошенный банковский счет – а когда он у меня был в другом состоянии? – буквально чудом добыл «горящий» билет до Ниццы за полцены, заказал номер в дешевом по тамошним меркам отеле, и поехал, чувствуя себя полным идиотом и одновременно человеком, который в кои-то веки все делает *правильно*.

По прибытии первым делом побежал в агентство туристической информации: я очень надеялся, что существует какой-то простой способ добраться из Ниццы в Динь, не арендуя автомобиль. Во всяком случае, помнил, что это относительно близко. Все выяснил, получил расписание поездов и карту, на которой мне любезно отметили вокзал, с которого они уходят. Утром, повинувшись необходимости, подскочил в половине седьмого, на автопилоте добрался до вокзала, купил билет и только после этого проснулся окончательно, чтобы разобраться в какой из двух совершенно одинаковых коротеньких поездов, состоящих всего из одного вагона, следует садиться.

Всю дорогу я дергался по поводу предстоящей пересадки в Анно – согласно расписанию, интервал между прибытием и отбытием составлял всего четыре минуты, а мы, похоже, порядком опаздывали. Но судьба была милосердна: когда мы прибыли на станцию, кондуктор сделал какое-то неразборчивое объявление и вышел из вагона. Все мои немногочисленные попутчики последовали за ним, и я тоже, нервно бурча себе под нос: «Лемминги никогда не ошибаются». И действительно не ошибся – кондуктор привел нас к автобусу, на лобовом стекле которого красовалась табличка «DIGNE-LES-BAINS». Не веря своим глазам, я сунул под нос водителю свой билет, спросил: «Динь»? – получил утвердительный ответ, с облегчением занял место у окна и намертво прилип к стеклу – оно того стоило.

Полтора часовая поездка через Альпы привела меня в состояние чрезвычайно приятное, но не слишком подходящее для пребывания среди людей. То есть, свое имя я еще худо-бедно помнил, а, скажем, первоначальную цель путешествия – уже нет. Вернее, подобная постановка вопроса просто не могла зародиться в моей бедной голове. Как это – зачем я сюда приехал? И какая, собственно, разница, зачем? Важно, что это случилось, что глазам моим открылось зрелище, забыть которое я, пожалуй, не смогу даже после смерти – при условии, что человек, чья память хранит такую информацию, вообще способен умереть. В чем я, честно говоря, очень сомневался в тот миг, когда стоял, прислонившись спиной к желтой стене здания автовокзала, крутил в руках машинально извлеченную из кармана сигарету, думал: какая забавная штука, интересно, для чего она?

Потом, конечно, вспомнил. И с другими насущными вопросами тоже как-то разобрался. Даже вызубренное на зубок расписание еще раз изучил – не то чтобы я сейчас всерьез опасался возможности не вернуться в Ниццу, просто стремился повторить только что пережитое удовольствие, чем раньше, тем лучше. Ближайший автобус отправлялся через два часа, следующий – аж через пять. Я решил, что двух часов мне за глаза хватит, чтобы разобраться с местными детьми и масками. Еще и кофе выпить успею. И не раз.

Улицы возле автовокзала были пусты. Я посмотрел на телефон, который уже давно заменил мне не только часы, но и календарь, выбралил себя за глупость – нашел когда приехать, в воскресный полдень, сейчас все местное население небось по домам сидит и выходит на улицу раньше завтрашнего утра не собирается.

Ну все-таки не средние века, примирительно сказал я себе. В центре наверняка кто-то шляется. По крайней мере, молодежь. В том числе, несовершеннолетняя. Вот и проверим.

Четверть часа спустя я увидел открытое кафе и понял, что нахожусь на верном пути. Кафе, работающее в воскресенье, в городе с населением восемнадцать тысяч человек, расположенном, к тому же, вдалеке от традиционных туристических троп, означает, что центр или очень близко, или вот прямо здесь, хотя до собора Святого Жерома, который видно из любой точки города, еще, по идее пилить и пилить – если я хоть что-то смыслю в перспективе.

На радостях я выполнил данное себе обещание, заказал чашку кофе у смуглой хозяйки, красивой, но сонной, как зимняя муха. Разместился на табурете у входа, чтобы можно было закурить, и принялся глазеть по сторонам – вдруг случится чудо, и на пустой улице появится прохожий. А лучше – дюжина. И все с детьми.

Чудо однако предпочло случиться у меня за спиной. Я услышал, как в баре звенит детский голос, обернулся и увидел, что за стойкой рядом с сонной красоткой теперь восседает бойкая девица с тонкими косичками, в маске, изображающей очаровательного лягушонка. Рисует что-то фломастерами в альбоме, обеими руками одновременно, тербит мать, не то вопросы задает, не то просто требует внимания к своим трудам.

«Ну ведь вполне может быть какой-то праздник...» – робко заметил мой здравый смысл, но тут же заткнулся, увидев, сколь жалкой получилась его попытка уладить дело.

«А ты подойди и спроси», – нерешительно посоветовал он какое-то время спустя. Я выслушал совет, встал и, вместо того, чтобы вернуться в бар и выяснить, как обстоят дела, позорно ретировался со скоростью, превышающей возможности рядового пешехода. Бежал, однако, не обратно, на автовокзал, а по направлению к центру. Колокольня собора Святого Жерома указывала мне путь. Кстати, он был гораздо ближе, чем мне казалось. Ну или это я так быстро бежал.

На центральной площади и правда оказалось довольнолюдно. По ее периметру располагались кафе и рестораны, веранды которых были не то чтобы забиты до отказа, но примерно наполовину заполнены. В центре площади катались на роликах и скейтбордах дети – все, как один, в масках, изображавших, по большей части, персонажей мультфильмов и комиксов. Молодой отец у входа в кафе вынимал из коляски младенца в красной тряпичной полумаске. У прилавка с мороженым мать большого семейства выдавала сладкий паек кролику, медвежонку, доктору Чуме и чертенку с аккуратными витыми рожками.

«Ну, все-таки воскресенье. Вполне может быть праздник», – ни к селу ни к городу вякнул мой разум и, устыдившись, умолк. Очень невовремя! Потому что, разглядывая всю эту благодусшную воскресную публику, детей в причудливых масках и их невозмутимых родителей, я понял что-то очень важное – не то про себя, не то про весь мир – но сформулировать так и не смог. И до сих пор ношу в себе это смутное знание в надежде, что однажды оно само найдется в моем лексиконе подходящие слова, облачатся в них и тогда явится мне снова – точное, ослепительное, неопровержимое.

– Ты что здесь делаешь?

Не то чтобы я знаю французский. Но как-то сразу понял смысл вопроса. И обернулся, чтобы посмотреть на того, кто его задал. И увидел колоритнейшую тетку, тощую до прозрачности, смуглую до черноты, с крючковатым носом, острым подбородком и огромной копной растрепанных смоляных кудрей, словом, уместную скорее в умеренно страшном сне, чем наяву – даже на таком сомнительном яву, которое выпало на мою долю здесь, в Дине.

Она что-то мне говорила, темпераментно размахивая руками, и столь недвусмысленно тыкала пальцем в ту сторону, откуда я пришел, что мне сразу стало понятно: эта мегера хочет, чтобы я отсюда убрался. Собственно, я и сам этого хочу. И ближайший автобус всего через час. Так что я, пожалуй, действительно пойду. Прямо сейчас. Чего тянуть.

Мегера, похоже, поняла, что я согласен уйти, заулыбалась и вдруг ласково поглядила меня по руке, так что я даже засомневался – да полно, неужели она меня только что прогоняла? Впрочем, автовокзал по-прежнему казался единственным местом в Динь-ле-Бене, где мне будет хорошо и уютно. По крайней мере, спокойно.

Ужасная женщина увязалась за мной, уже на краю площади потянула за рукав, извлекла из кармана стопку открыток. Я подумал, она ими торгует, покорно полез за мелочью, но она укоризненно покачала головой, выбрала из стопки одну открытку, изображающую фигуру старца в коротком плаще, точнее, перелине из небольших плоских камней, сунула ее мне, повелительно махнула рукой в сторону автовокзала – дескать, давай, давай, вали отсюда – и исчезла. Ну, то есть, наверное, просто ушла, пока я рассматривал открытку, вот и не заметил, куда она подевалась.

Только потом, уже в Ницце, укладывая открытку в папку с билетами, чеками и страховым полисом, чтобы не измялась окончательно, я заметил на ее обороте надпись – несколько слов от руки, беглым, неразборчивым почерком: *«Le démiurge ne doit pas se promener selon les jardins»*. Опознал всего два слова: «демиург» и «сад»; насчет *«promener»*, Впрочем, у меня тоже были здравые идеи, очень уж похоже на «променад». Но все это не приближало меня к разгадке. Поэтому я отнес открытку портье, который, на мое счастье, прекрасно говорил по-немецки, а этот язык я знаю много лучше прочих иностранных.

– Не понимаю, – задумчиво протянул он, разглядывая надпись. – То есть, слова понимаю, но какой в них смысл?

– Все равно переведите, – попросил я.

– *«Демиург не должен гулять по своим садам»*, – послушно прочитал портье. И уже от себя добавил: – Почему это – не должен? И кто, интересно, ему запретит?

8

– Будешь смеяться, но ехала-то я в Менд. Старинная подружка зазвала, она восьмой год замужем за тамошним жителем – вот столько мы, получается, и не виделись, в смысле, со дня ее свадьбы, да и там я всего полчаса высидела. Ее мама, понимаешь, хотела как лучше, чтобы все как у людей, наняла тамаду, простая душа, и как только он начал профессионально увеселять публику, я пулей выскочила на улицу, даже не прихватив с собой гребень, зеркало и платок на случай погони... Счастье, кстати, что жених по-русски почти не понимал, а то сбежал бы из-под венца, он же, знаешь, трепетный такой дядечка, ему бы дни напролет Верлена наизусть шпарить, а там хоть трава не расти.

Ну, в общем, когда Людка узнала, что я теперь в Париже, тут же взвилась: а ну, давай, дуй ко мне в Менд, душа пропащая. А я, понимаешь, как-то не очень хотела, мы же, считай, восемь лет не виделись, столько всего случиться успело, я уже почти забыла – ладно бы только Людку, но и ту девицу, которая с ней дружила, причем не то чтобы по собственному выбору, а потому что тезки, две Людмилы на факультете, Люд и Люс, всем казалось, что будет логично, если мы подружимся и везде будем ходить вместе, и мы послушно подружились, оправдали ожидания, так, кстати, часто бывает... И теперь что ж, выходит, воскрешать давно забытую старую себя, которую помнит Людка, и начинать все сначала? А с другой стороны, когда еще будет повод съездить в Лозер. Я, знаешь, вовсе не так легка на подъем, как может показаться. То есть, очень даже легка, но только если понимаю, *зачем* надо ехать. Когда есть цель. Вот захотела с тобой поговорить и прилетела сюда как миленькая, не раздумывая. Но это потому что очень приспичило. А то бы еще долго не собралась, хотя близко, и билеты не намного дороже, чем в кино.

В общем, я помаялась, помаялась, и тут вдруг внезапно выяснилось, что группа, которую я должна пасти в начале следующей недели, не приедет, что-то там у них разладилось, а следующая только в четверг. И я поняла – это меня судьба уже буквально пинками гонит в Менд к Людке, лучше не сопротивляться, уж больно силы у нас неравные, и тут же купила билет – так, чтобы уехать в воскресенье утром и вернуться в среду вечером. Все рассчитала и спланировала, умничка.

Люс саркастически ухмыляется. У нее это отлично получается, Люс – чемпион по саркастическим ухмылкам. Уж на что я сам силен в этом виде спорта, но по сравнению с ней – жалкий любитель. Одного этого достаточно, чтобы растопить мое сердце: у меня слабость к людям, превосходящих меня в умениях, в которых я сам преуспел, даже таких пустяковых, как ухмылки. Впрочем, у Люс я еще много чему могу поучиться. Уж на что я наловчился круто менять свою жизнь и, забив на так называемые «достижения», начинать все не с нуля даже, а с минусовой отметки, но и в этой области она для меня вполне авторитет. А я для нее – поддержка и опора.

Как-то легче дышится, когда точно знаешь, что в мире есть другие такие же придурки, – как-то сказала Люс. – Моей крыше приятно съезжать в сопровождении чужих крыш, выбравших примерно то же направление движения. Полное одиночество – хорошее дело в пределах собственной квартиры, но не в масштабах планеты. Знать, что по земле ходит пара-тройка похожих на тебя существ – необходимое и достаточное условие душевного комфорта.

В целом, я с ней согласен. Поэтому, когда (пару раз в год, не чаще, увы) выясняется, что Люс хочет повидаться, я бросаю все и начинаю приводить в порядок гостевую комнату, или, напротив, бегу покупать билет. Люс – это Люс, точка.

– Что бы я без тебя делала, – говорит она, принимая из моих рук полулитровую кружку с бергамотовым чаем.

Специально выбрала такой момент, чтобы можно было подумать – это она за чай благодарит. Но я-то знаю, не за чай, а вообще, в принципе. За сам факт моего существования. А Люс знает, что я знаю. Но мы оба можем делать вид, будто у нас просто происходит обмен формальными любезностями. А можем не делать.

– Никому, кроме тебя не могу рассказать про эту дурацкую поездку, – вздыхает Люс. – Даже себе не могу. Правда, правда. Просто сесть и вспомнить все по порядку, как было, не завираясь, в смысле, не искажая факты ради достоверности. Пробовала. Трудно. Очень трудно.

– О, – говорю. – О-о-о. Факты, которые хочется исказить ради достоверности. Это мне нравится.

– Мне, пожалуй, тоже, – неуверенно кивает Люс. – Когда другие рассказывают. А когда я сама наедине с собой молча их помню – уже не очень.

– Ладно уж, – улыбаюсь, – выкладывай, не тани.

Но Люс все-таки тянет. Бродит по моей крошечной кухне с кружкой в руках, заглядывает в холодильник, закрывает его, так ничего и не выбрав, задумчиво гладит желтый бок лежащего на столе яблока, наконец, возвращается на подоконник, где стоит кружка с остывающим чаем, забирается туда с ногами, укладывает подбородок на колени и продолжает свой рассказ...

– Честно говоря, я еще на вокзале могла бы понять, что поездка будет та еще. Когда по перрону бредет толпа мужиков в рогатых шлемах с разноцветными чемоданами на колесах, это, мне кажется, вполне себе внятный знак: «Осторожно, весь мир сошел с ума», или что-то в таком роде. Но я и бровью не повела. Заняла свое место, достала компьютер и принялась барабанить по клавишам – в моей жизни всегда есть место переводу, который скоро сдавать, как правило, завтра же; я сама не всегда понимаю, откуда они берутся, видимо, просто самозарождаются из информационного мусора, которого полно в окрестностях любой головы... В общем, до Клермон-Феррана я глаз от экрана не поднимала, а там схватила свою сумку и побежала на автобус, у меня всего десять минут на пересадку было, а эти гады еще остановку перенесли и указатели не поменяли, еле успела, плюхнулась на сидение, пока отдышалась, мы уже поехали. Только тогда я наконец огляделась и обнаружила, что на соседнем сидении разместилась бородатая женщина... Почему ты не удивляешься? Можно подумать, ты бородатых женщин каждый день видишь. А вот лично я – впервые в жизни. Всегда была уверена, что это вообще выдумки. Ну, мужики в балаганах надевали платья с накладным бюстом, или тетки искусственные бороды клеили на радость зевакам. Но тут она сидела совсем рядом, и я готова поклясться: борода была самая настоящая. Ухоженная такая, аккуратно подстриженная, очень густая светло-каштановая борода. И бюст не накладной. У нее платье было с глубоким вырезом, так что без обмана. А сиськи здоровенные, даже не знаю, какой это размер – восьмой? Десятый? В общем – ух! Сиськи, борода и декольтированное платье в цветочек – немыслимое сочетание. И я так одурела от этого зрелища, что пялилась на нее во все глаза, не могла заставить себя отвернуться, сама не знаю, что на меня нашло. Наконец, даме это надоело, и она снисходительно так спросила: ну, чего пялишься? Тебя что, в детстве в цирк не водили? И я сказала: нет, не водили. Это, кстати, правда, я всего один раз в цирке была, родители его терпеть не могли, да и мне не особо понравилось, так что я больше не просила... Неважно. В общем, бородатая тетка пригорюнилась, пожалела меня – как же так, несчастный ребенок. Сказала: сходи обязательно, при первой же возможности, и я пообещала: ладно, схожу. А потом она вышла в каком-то городке, я даже его название не разобрала, а я уткнулась носом в оконное стекло, за которым изгибались горные склоны и зеленели каштановые леса, и поехала дальше. Вроде как в Менд, к Людке, воскрешать призраки былого. То есть, я до последнего момента была в этом уверена. Пока водитель не объявил: «Марвежоль, авеню Руссель», – и автобус остановился на площади, у древних каменных ворот такой нечеловече-

ской красоты, что у меня дух захватило при мысли о том, что должно скрываться за этими воротами. И я, знаешь, вдруг подумала – а ведь если сейчас не выйду, фиг когда-нибудь еще сюда попаду. Это же глухомань, департамент Лозер, туристы им не интересуются, во всяком случае, не те, кого я пасу, а ради собственного удовольствия я сюда не вернусь, разве только к Людке стану регулярно ездить, но это, честно говоря, вряд ли, я от нее, скорее всего, сбегу навек, не дожидаясь среды.

И тут водитель подходит ко мне, настойчиво касается плеча: ваша остановка, мадам, просыпайтесь. Перепутал с кем-то, ясное дело, я ему свой билет до Менда показывала, но его ошибка оказалась последней каплей, я схватила сумку и пулей выскочила из автобуса, думая на бегу: вот и хорошо, вот и правильно, а Людке позвоню, скажу, не успела на пересадку, переночую в Клермон-Ферране, приеду завтра.

Пока я все это обдумывала, автобус уехал, и я осталась на площади. С одной стороны древние ворота, которые мне так приглянулись, с другой – бар «Le Diabolo», и так меня тронула эта наивная inferнальность, что я немедленно отправилась туда и потребовала чашку кофе, а пока мне его готовили, обнаружила, что на втором этаже, над баром, маленькая гостиница, я ее тут же про себя окрестила «У черта на рогах», и там, конечно же, нашлась свободная комната, и не одна. Марвежоль, мягко говоря, не туристическая мекка, и слава богу, такая красота должна оставаться в забвении, на радость редким знатокам и транзитным пассажирам вроде меня.

В общем, я бросила в номере сумку с компьютером, чтобы случайно не засесть за перевод в ближайшем кафе, это у меня, понимаешь, как нервный тик, и налегке поскакала на улицу. Вошла в те самые ворота, вдохнула, выдохнула и подумала, какой все-таки молодец водитель, что с кем-то меня перепутал, и какая молодец я, что не стала спорить и вышла. Потому что красота неопишная; да, я знаю, такое можно о каждом втором маленьком французском городке сказать, но хуже от этого они не становятся.

Я, конечно, предполагала, что в вокресенье, во второй половине дня в городе будет не слишкомлюдно. Но за первые полчаса я вообще никого не встретила, натурально, ни души. Правда, нашла целых два открытых кафе – ну как, открытых, двери-то нараспашку, а посетителей нет, и за стойкой почему-то никого, так что я не решилась войти, это как в чужой дом без хозяина... Ладно, неважно. Потому что в третьем по счету кафе был, можно сказать, аншлаг: за барной стойкой хмурый мужик со сросшимися бровями, при этом красивый – убиться можно. За столиком у входа скучает над растаявшим мороженым долговязая конопатая девица, с виду старшекласница, а в уголке у окна примостилась старушка в сиреновой стеганой куртке, я только потом разглядела, что она азиатка – раскосая, желтолицая и древняя, как иероглифическая письменность. Когда я вошла, эти трое так на меня посмотрели, как будто я – панк с зелеными волосами и семью кольцами в носу. То есть, с веселым антропологическим любопытством – дескать, что за чудо такое к нам пожаловало? А какое из меня чудо. Тетка как тетка, в меру симпатичная, волосы собраны в хвост, джинсы, курточка – нас таких миллионы. Ну, правда, приезжая. Новенькая, то есть. Практически прекрасная незнакомка. Я решила, они поэтому так уставились, и расслабилась. Пусть себе таращатся, лишь бы накормили – да вот хоть мороженым. Потому что маковая росинка у меня во рту, конечно, с утра была. Но всего одна. И очень-очень давно.

Правда, в первый момент меня смутил запах паленой органики, слабый, но, знаешь, такой нехороший, как будто где-то под столом миниатюрная модель ада для грешных инфузорий припрятана. Но потом я поняла в чем дело: тут готовят в печи на открытом огне. И если этот хмурый красавчик согласится поджарить мне кусок мяса...

Он, похоже, прочитал мои мысли. Потому что сразу, не здороваясь, спросил:

– Голодная?

Это в моем пересказе выходит грубо, а тогда прозвучало как-то удивительно хорошо и уместно, как будто я вернулась домой после долгой прогулки, тут не церемонии разводить, а кормить надо. Я уже и не помню, когда меня так встречали. Ну, в детстве, наверное. Но с детством у меня сложно, я его помню, как кино или книгу, – очень мило, но при чем тут я?

Но тогда я не рассуждала, а просто энергично закивала – дескать, еще какая голодная, давайте сюда все, что есть. Он меня правильно понял, даже не стал спрашивать, чего мадам желает, а поставил на стойку глиняный стакан с сидром и пошел к печи. Первым делом в ад отправились куски грешного хлеба и нераскаившегося козьего сыра; помучившись, сколько положено, они перевоплотились в изумительные гренки для салата, который временно заслонил для меня весь мир. А потом на мою тарелку плюхнулся кусок мяса, пожаренного именно так, как я люблю – сверху корочка, внутри – кровавый сок, и только не говори, что помнишь меня вегетарианкой, это я по молодости, по глупости, больше не повторится.

Когда от куска осталось чуть больше трети, я перевела дыхание и, так сказать, вернулась в реальный мир. То есть, подняла голову от тарелки. Ненадолго, но успела заметить, что хмурый красавчик смотрит на меня с почти материнской нежностью, а китайская бабушка и конопатая старшеклассница распахнули окно и, высунувшись туда по пояс, курят страшную черную вонючую сигару, одну на двоих. И от этого зрелища в душе моей воцарились мир и покой, доселе ей, бедняжке, неведомые. Ну правда, как будто домой вернулась, и всю эту троицу сто лет знаю, и они ведут себя, как я привыкла, и нам хорошо вместе, *как всегда*. Ух, как же это было здорово! И наверное поэтому, когда хозяин сказал: «Жуй быстрее, скоро закрываемся, ты же не хочешь опоздать на представление?» – я быстро-быстро замотала головой, дескать, конечно, не хочу, и только потом удивилась: что за представление такое? Но не сомневалась ни секунды – если зовут, надо идти.

Когда я попыталась расплатиться за еду, хмурый красавчик поглядел на меня, как на дурочку, только что пальцем у виска не покрутил, точнее, все-таки покрутил, но пальцем какой-то дополнительной невидимой руки – вроде бы, ничего не произошло, а всем присутствующим ясно, что он это сделал. Но я все равно улучила момент, когда мой благодетель отвернулся, и сунула пять евро под тарелку; я бы больше положила, но в кошельке была еще сотня одной купюрой, и все, а поди получи сдачу у человека, который вовсе не хочет брать с тебя денег. Короче, я рассудила, что пять евро все-таки лучше, чем ничего, и с более-менее легким сердцем отправилась курить на крыльцо. Конопатая девица выскочила следом, попросила сигарету, села рядом на ступеньку, и так чудесно мы с ней там молчали о своих запутанных девичьих делах, что у меня снова возникло это дивное ощущение: я дома, и любимая младшая сестренка рядом; мне почему-то всегда казалось, что сестры примерно так и общаются, почти без слов, с такой, знаешь, обоюдной немного снисходительной нежностью. Но я, конечно, не знаю, как оно бывает на самом деле, у меня-то только брат, причем он на пятнадцать лет старше; мы, можно сказать, едва знакомы... Неважно.

Наконец, на крыльце появился хозяин, по-прежнему хмурый и ослепительно красивый. И в тот же миг как-то резко стемнело, как будто он был не человеком, а огромной грозовой тучей. Человек-туча достал огромную, в несколько десятков – я не преувеличиваю! – связку ключей, с явным наслаждением ими побренчал, наконец, выбрал нужный и принялся запира́ть дверь. Я опомниться не успела, а он поднял меня со ступеньки, практически за шкуру, как котенка, сказал: «Пошли».

И мы пошли. По дороге хозяин кафе потрясал связкой своих ключей, вызванивая какую-то смутно знакомую мелодию, а девица на ходу пританцовывала под этот аккомпанимент, и я вдруг заметила, что и сама – ну, не то чтобы в пляс пустилась, но шагать начала, сообразуясь с ритмом, а время от времени, когда того требовало музыкальное сопровождение, останавли-

ливалась, подпрыгивала или хлопала себя ладонью по бедру, совершенно не стесняясь своих спутников. Глазеть по сторонам это, впрочем, не мешало.

Мы пересекли площадь, на которую выходили двери и окна нашего кафе, нырнули в узкий короткий переулок, почти сразу снова свернули, поднялись по ступенькам на холм, на вершине которого стоял собор, окруженный строительными лесами, обошли его по периметру и начали спускаться.

– А бабушка? – Вдруг вспомнила я. – Она осталась в кафе?

– Матушка Чан уже на небесах, – сказала конопатая девица, да так серьезно, что я задрала голову и уставилась вверх. Но там, разумеется, не было ничего, кроме рваных облаков, подкрашенных розовым закатным заревом, и бледного ломтика ущербной луны.

Интересно, что она имела в виду? Не померла же старушка за минуту до закрытия, в самом деле. Да и владелец кафе, сколь бы угрюмо не хмурил брови, совершенно не похож на Раскольников. Не тот тип.

Бедняга не догадывался, что не прошел кастинг, поэтому не утратил мрачности, успешно заменявшей ему безмятежность.

– Матушка Чан-Э присоединится к нам позже, когда покончит с делами, – церемонно сообщил он. – Ей будет приятно узнать, что ты о ней беспокоилась.

Надо же, подумала я. Матушка Чан-Э¹². Стоило ехать в департамент Лозер, чтобы внезапно запутаться в складках парадного халата господина Ляо Чжая¹³. Впрочем, что это я? Стоило, еще как стоило.

– Как же тут у вас хорошо, – невольно выдохнула я, когда мы, завершив спуск, свернули под невысокую полукруглую арку и оказались в очередном переулке, вымощенном булыжниками и застроенном узкими каменными домами совершенно в моем вкусе.

Вообще-то, не в моих привычках докучать местным жителям своими восторгами, я слишком хорошо знаю цену таким эмоциям. Среднестатистический восхищенный турист уже потому всем доволен, что вырвался на время из привычного круговорота жизни: ему не надо толкаться в городском транспорте, покупать продукты для ужина, выносить мусор, сверяться с приборами, высчитывать квартплату, ложиться пораньше, предусмотрительно поставив в изголовье будильник, ворочаясь с боку на бок, сочинять ответы на каверзные вопросы, которые завтра поутру непременно задаст начальник – вообще ничего в таком духе. Пожизненный раб распорядка пьян от внезапно наступившей свободы, ему так хорошо, что он почти не видит город, который искренне нахваливает; неудивительно, что туземцев его неуместные восторги только раздражают, как лепет захмелевшего гуляки, внезапно оказавшегося среди трезвых, занятых, озабоченных повседневными делами людей. Впрочем, ворчуны, заранее недовольные всем, что с ними может случиться, еще хуже, но не о них сейчас речь.

Короче, я не собиралась ничего такого говорить. И уж, тем более, восторженно выдыхать. Нечаянно получилось. Но мои попутчики не выказали неудовольствия.

– Ну так оставайся тут жить, если тебе нравится, – приветливо сказала моя новообретенная сестренка.

– С жильем проблем не будет, я храню ключи от всех опустевших домов старого Марвежоля, – заметил хмурый красавчик и с утроенным энтузиазмом забренчал своей коллекцией цветного лома.

¹² Чан-Э – в китайской традиции имя живущей на Луне бессмертной богини.

¹³ «Ляо-Чжай», полностью «Ляо-чжай-чжи-и», «Повести о странном из кабинета Ляо» (в некоторых интерпретациях «из кабинета неудачника») – название книги китайского новеллиста Пу Сун-лина, по прозвищу Лю-цюань (1622–1715). В русских переводах сборников фантастических новелл о лисах-оборотнях, бесах, бессмертных божествах и даосских монахах («Рассказы Ляо Чжая о чудесах») «Ляо Чжай» обычно трактуется как имя, вернее, псевдоним автора, и у рядового, то есть не знающего китайский язык читателя, ассоциируется именно с «господином», а не с «кабинетом».

Я открыла было рот, чтобы объяснить: и рада бы остаться, но в Париже у меня работа, не то чтобы венец мечтаний, но жить вполне можно. А здесь как зарабатывать? На одних переводах я долго не продержусь. Но тут владелец множества пустующих домов добавил:

– Только ты должна будешь повесить за окно колокольчики. Это обязательное условие.

Его реплика сбила меня с толку. То есть, я просто забыла, что хотела сказать, и одновременно поняла: это совершенно неважно, не имеет значения, вылетело из головы, и черт с ним. Тем более, что впереди, уже совсем близко сияют разноцветные огни, льется музыка, незатейливая и сладкая, как жженный сахар, от жаровен валит сизый дым, сыплются на землю розовые лепестки, звенят, как птичий щебет, счастливые голоса.

– Это что, городской праздник? – спросила я, замирая от восторга: надо же, как удачно совпало!

– Можно сказать и так, – кивнул мой спутник.

– Ежедневный городской праздник, – вставила конопатая девица. Тут же поправилась: – Вернее, еженочный. – И, заметив мое недоумение, пояснила: – Представление. Оно бывает каждый вечер, но хуже от этого не становится.

Не могу сказать, будто ее слова что-то мне объяснили; с другой стороны, какая разница, каждый вечер они так веселятся или раз в год, я-то здесь первый раз в жизни и, скорее всего, в последний, а тут вдруг – *такое*, праздник, ярмарка, представление, я и вообразить не могла.

Мы сделали еще несколько шагов, вышли на площадь, которая, принимая во внимание общие масштабы старого города, никак не могла быть большой, но показалась мне огромной, и как-то внезапно очутились в самом центре суматошного праздничного варева. Моих спутников тут все знали и, похоже, любили – подходили, хлопали по плечам, обнимали, троекратно целовали в щеки, и меня тоже, на всякий случай, раз с ними пришла. «Мендозо, – то и дело говорил кто-то, – да это же мсье Мендозо с сестренкой», – и к нам подходили все новые и новые желающие поздороваться.

Так они, оказывается, брат и сестра, надо же, совершенно не похожи; а фамилия у них, значит, Мендозо, думала я, вот и славно, я же как раз в Менд еду, легко будет запомнить.

Конопатую девицу вскоре утащили танцевать, а у нас в руках каким-то образом оказались кружки с яблочным сидром. Я начала оглядываться в поисках скамейки, но мсье Мендозо подхватил меня под локоть и повлек по направлению к центру площади, деликатно, но настойчиво.

– Место лучше занять прямо сейчас, – объяснил он. – А то половину не разглядим.

По дороге он то и дело отвлекался – то чмокнуть в щеку очередную красотку, то отломить кусок чужого пирога, то взять из чьих-нибудь рук деревянную свистульку, дунуть в нее, насладиться пронзительной трелью и с вежливым поклоном вернуть владельцу. Между делом раздобыл где-то глиняный колокольчик на серебряной нитке и повесил его мне на ухо, так что я чувствовала себя не то рождественской елкой, не то породистой коровой, но снять колокольчик не решилась, и теперь он тихонько позвякивал при каждом моем шаге.

Наконец, мы остановились у самого края большого, мелом очерченного круга, в центре которого лохматый мальчишка лет семи в серой меховой безрукавке лениво жонглировал полудюжиной горящих факелов – трюк сам по себе непростой, особенно если учесть юный возраст исполнителя, но я как-то сразу поняла – это еще не само представление, а только обещание, что оно скоро начнется.

– Ты когда-нибудь была в цирке? – спросил мой спутник, и я подумала: надо же, второй раз за день мне задают этот вопрос. А вслух сказала:

– Однажды, очень давно, так что не считается.

– Правильно, не считается, – согласился он. – Тем более с нашим цирком никакой другой не сравнится.

Наверняка так и есть, – подумала я. – Уже потому хотя бы, что ни одно событие не сравнится с тем, что происходит со мной здесь и сейчас, в крошечном городке, о существовании которого я еще утром понятия не имела, после лучшего в моей жизни ужина, с кружкой благоуханного сидра в руках, рядом с самым красивым в мире мужчиной, еще и с колокольчиком этим дурацким, который он зачем-то на меня нацепил, а я, дура, и рада... О, даже если бы этот мальчишка жонглировал всего двумя погасшими факелами и оказался единственным пожарившим выступить артистом, я бы все равно до конца дней вспоминала это представление как самое восхитительное, ну а если они еще хоть что-нибудь покажут – тогда вообще с ума сойти можно!

Мальчишке тем временем надоело жонглировать, он проглотил все шесть факелов поочередно и удалился с таким скучающим видом, словно теперь ему предстояло засесть за уроки.

– Эй, это как?! – Я требовательно потянула мсье Мендозо за рукав. – Как он это сделал?!

Тот пожал плечами.

– Ты сама видела, как: взял и проглотил. Да это пустяки, ребенок еще только учится, и в качестве награды за успехи ему позволяют развлечь публику перед представлением. Видела, какая у него постная физиономия? Это он прикидывается, чтобы никто не догадался, как он счастлив и горд... Молодец мальчишка, что тут скажешь. Далеко пойдет.

Но тут музыка зазвучала громче, и мой спутник умолк, а обо мне и говорить нечего, я не только французский язык, а сам факт существования человеческой речи временно забыла, когда откуда-то сверху, как леденцы из невидимой вазы посыпались люди, одетые в пестрые блестящие лохмотья. Коснувшись ногами земли, одни тут же принимались кувыркаться, другие – изрыгать огонь, третьи – карабкаться вверх по невидимым канатам, а самый колоритный, могучий старец с седыми кудрями до пояса начал доставать у себя из-за пазухи упитанных кроликов, которыми одновременно как-то ухитрился жонглировать; доведя число кроликов до дюжины, он уселся на землю, предоставив им самостоятельно кружиться в воздухе до тех пор, пока зверьки не превратились в букеты белых роз, их фокусник тут же раздал стоящим поблизости женщинам. Один букет достался мне; кажется, еще ни одному подарку в жизни я не радовалась так бурно. Впрочем, когда несколько минут спустя букет бесследно исчез из моих рук, я была слишком увлечена представлением, чтобы огорчиться; я и удивиться-то толком не сумела, только отметила про себя, что, по-хорошему, надо бы.

Но кролики и букеты – это, и правда, были пустяки. Чем дальше, тем более невероятным казалось мне происходящее на импровизированной арене, за меловой чертой. Я своими глазами видела, как огромная змея играет на дудке, одновременно отбивая ритм хвостом по стоящему рядом барабану. Как из обычной чашки выливают воду и вместе с ней выплескивают на траву русалку, которую тут же подхватывает за руки свесившийся с трапеции воздушный акробат, и после нескольких кульбитов парочка, слившись в страстном поцелуе, исчезает в чердачном окне ближайшего к месту действия дома. Как, сокрушая булыжную кладку мостовой, в центре площади за несколько минут вырастает огромный бук, из дупла которого вылезают три девочки в накидках из листьев и начинают потчевать собравшихся сладкими буковыми орешками; несколько штук я съела, а один положила в карман, на память, и тут же ехидно сказала себе: можно подумать, без орешка ты вот так сразу все забудешь, моя бедная безмозглая сентиментальная Люс.

Но вообще-то, думала я в этот вечер на редкость мало, не до того было. Я даже не заметила, как исчез мой прекрасный угрюмый спутник, опомнилась, только когда он вернулся с пакетом печеных каштанов и отсыпал половину в мою протянутую ладонь.

Импровизированная арена опустела так же внезапно, как перед этим заполнилась. Все, включая недавно выросший бук, вдруг куда-то подевались, но зрители не расходились, и я поняла, что представление еще не окончено, но никак не могла сообразить, в чем оно теперь заключается.

– Не туда смотришь, – шепнул мне мсье Мендозо, – подними голову!

Я послушно посмотрела вверх и увидела, что с неба – в смысле, ниоткуда, из темноты и пустоты, свисает веревочная лестница, излучающая бледный голубоватый свет, а по ней неторопливо карабкается вниз крошечная человеческая фигурка. Время от времени из рукавов ее просторной куртки вылетали сияющие как фонари бабочки размером с откормленного голубя и тут же принимались носиться над площадью; в конце концов, они практически закрыли ночное небо, от их крыльев стало светло, как днем, а от их размеренного вращения у меня немного закружилась голова, сладко, как от поцелуя.

Но тут небесный посланец, наконец, прыгнул на землю и оказался старой азиаткой из кафе, которую мсье Мендозо и его сестрица называли «матушкой Чан». Старушка нагнулась – я поначалу решила, что это она кланяется публике, но нет, матушка Чан принялась деловито сматывать в клубок начерченную мелом линию, отделявшую арену от зрительских мест. Закончив свой невероятный труд, она спрятала клубок за пазуху и принялась взбираться вверх по лестнице, столь же неспешно, как только что спускалась. Светящиеся бабочки понемногу забирались в ее рукава; в конце концов, на площади снова стало темно, только веревочная лестница еще какое-то время переливалась в небе сияющим росчерком, а потом погасла и она.

– Вот теперь все, – объявил мой спутник, легонько щелкнув пальцем по колокольчику, висящему на моем ухе. И будничным тоном добавил: – Если хочешь еще сидра, надо поторопиться, его вечно не хватает.

Народ, к моему удивлению, вовсе не спешил расходиться. Оркестр грянул какую-то залихватскую польку, и добрая половина присутствующих немедленно пустилась в пляс, а вторая, не столь добрая, устремила к лоткам с остатками напитков и закусок; мы с хмурым мсье Мендозо были среди них, практически в первых рядах. Добыв по кружке сидра и по куску жареного овечьего сыра, уселись прямо на тротуар, в стороне от танцующих, чтобы перевести дух.

– Ну и как тебе? – гордо спросил он.

– Слов нет! – выдохнула я, чуть не подавившись горячим сыром от полноты чувств. – Никогда не думала, что уличные циркачи могут быть такими виртуозами!

– Вообще-то, не такие уж они виртуозы, – снисходительно заметил мсье Мендозо. – По сравнению с людьми – несомненно. Но от оборотней можно требовать и большего.

– От оборотней?!

Одно из двух, подумала я. Или я так устала, что начала забывать французский, или это просто какая-то локальная шутка, непонятная непосвященным. Будем надеяться, все-таки второе.

– Ну, не думаешь же ты, что люди способны проделать все эти фокусы, – пожал плечами мой спутник.

Я не нашлась, что ответить и полезла в карман за сигаретами. Возможно, курение действительно не слишком полезно для телесного здоровья, но совершенно необходимо для душевного, по крайней мере, лично меня первая же затяжка мгновенно возвращает на землю, в какие бы заоблачные дали не унесся перед этим мой слабый разум.

Но на сей раз почему-то не помогло.

– Значит, говоришь, оборотни, – растерянно сказала я.

– Ну да. Они просто отдают долг, – заметил мсье Мендозо таким тоном, словно это все объясняло.

– Какой долг? – автоматически переспросила я.

– Прежде они сеяли здесь страх. А теперь сеют радость, – лаконично ответил он.

– Ага, вот теперь все стало понятно, – усмехнулась я, постаравшись вложить в свою реплику как можно больше сарказма, чтобы его пронило.

– Фундамент всякого города замешан на крови и радости, – тоном школьного учителя изрек мсье Мендозо. – В этом деле чрезвычайно важны пропорции: пока радости больше, город будет процветать. А если ее не хватает, город становится неподходящим местом для жизни. В таком городе умирают чаще, чем рождаются, а подростки всем сердцем стремятся его покинуть и, как правило, добиваются своего. Марвежоль – хороший городок, заслуживающий любви. Но очень уж маленький. И очень старый. Людям, которые здесь жили, всегда приходилось нелегко. Но пока город был молод, радости хватало на всех с лихвой. Однако Марвежоль понемногу старился, и пару столетий назад его природная радость начала иссякать. Не то чтобы ее не стало вовсе, но – недостаточно. Дети тут рождаются куда реже, чем прежде, а если бы я захотел записать имена уехавших на поиски лучшей доли, мне пришлось бы извести столько бумаги, что в нее можно завернуть тебя целиком, да еще и в несколько слоев, как стеклянную вазу.

Я невольно улыбнулась, представив себе процесс упаковки.

– И тогда город заключил договор с оборотнями, – будничным тоном продолжал мой спутник. – Многие столетия они сеяли здесь страх и проливали кровь, и город охотно позволял им это, даже предоставлял кров и защиту, предчувствуя, что когда-нибудь от них будет польза. И теперь пришло время отдавать старый долг. Они, как видишь, неплохо справляются.

– Ну какие тут могут быть оборотни? – устало спросила я, все еще надеясь, что стала жертвой затянувшейся шутки. Не слишком удачной, но когда шутник так красив, требования к качеству его реплик как-то незаметно снижаются.

– Какие? Да самые разные, – мой прекрасный шутник был невозмутим и не собирался отклоняться от курса. – В основном, конечно, волки. Но не только они. И не только местные, такое развлечение никто не хочет пропустить, вот и сходятся отовсюду. Вон матушка Чан вообще с неба к нам спускается, хотя уж она-то точно не оборотень и никому ничего не должна... Мы всем рады, чем больше актеров, тем дольше длится представление, тем слаще спится нашим горожанам, тем радостней их пробуждение поутру – чего еще желать.

– «Спится»?! – Я окончательно перестала его понимать.

Тут мсье Мендозо очень внимательно на меня посмотрел, как будто впервые увидел.

– Эй, погоди, – удивленно сказал он. – Неужели ты подумала, что все это происходит наяву?

– Ннну, – смущенно заблеяла я, – а почему, собственно, нет? Я же только приехала. И не знаю, как у вас тут все устроено. А тут ты говоришь: представление, пойдем! И я иду, и действительно представление, лучшее, что я видела в жизни, но почему бы ему не быть наяву? Я как-то, знаешь, совершенно не усомнилась в реальности происходящего, да и с чего бы? Когда я оказываюсь в незнакомом месте, мне кажется, тут может случиться все что угодно. А может не случиться, это уж как повезет.

– Отличный подход к делу, – мой хмурый спутник вдруг улыбнулся, впервые за весь вечер. – Ладно, если так, значит все действительно было наяву – для тебя. В этом есть одно небольшое неудобство: в гостиницу тебе придется добираться пешком. Ты где остановилась?

– У черта на рогах, – машинально ответила я. И тут же исправились: – Над баром «Le Diabolo».

– Ну, это недалеко, сразу за воротами, доберешься.

– Доберусь, – эхом откликнулась я.

– Перелезь в сад через забор и войди через заднюю дверь, – посоветовал мсье Мендозо. – Она всегда приоткрыта для кота. А хозяев не буди, им сейчас снится, что они снова молоды и пляшут на этой площади, – он неопределенно махнул рукой в сторону танцующих. – А потом им, небось, приснится, как они целуются, укрывшись в чужом дворе от утреннего дождя, в такой момент будить и вовсе свинство... И кстати об утреннем дожде, пора бы о нем позаботиться.

Он привстал, взмахнул рукой, и несколько секунд спустя рядом появилась его конопатая сестрица, раскрасневшаяся и запыхавшаяся.

– Уже? – деловито спросила она. – Пора?

– Я бы дал тебе поплясать подольше, но к утру нужен дождь, а небо, видишь, почти чистое.

– Ладно, – кивнула она, – надо так надо.

Они шагнули навстречу друг другу, обнялись и вдруг исчезли – пока исчезали циркачи на арене, это казалось мне почти естественным делом, а вот сейчас эти двое изрядно меня огоршили. Но я не столько испугалась, сколько расстроилась, обнаружив, что внезапно осталась одна, с пустой глиняной кружкой в руках и дурацким колокольчиком на ухе. Снимать его я не стала, так и пошла через весь город, брэнча, как хозяйская овца, оглушенная, опустошенная, сбита с толку, подгоняемая в спину ласковым теплым ветром.

Обнялись и исчезли, ну надо же! – растерянно думала я, пока лезла в сад через забор, который, к счастью, оказался не слишком высоким. Дверь черного хода, как и обещал мсье Мендозо, была приоткрыта, на ее пороге дремал большой черно-белый кот, причем он устроился таким образом, что длинное мускулистое тело находилось в доме, а башка – снаружи, и оба уха, черное и белое, едва заметно трепетали на теплом ночном ветру.

Обнялись, значит, и исчезли, – сердито думала я, стоя в душе под тугими струями горячей воды. И, уже закутавшись в полотенце, позволила себе сформулировать рвущий сердце жалобный вопрос: – А как же я?!

Обнялись и исчезли, такие дела, – вздохнула я, когда моя голова коснулась подушки. И почти разрешила себе заплакать, но не успела, потому что заснула – мгновенно, крепко и сладко, как в детстве.

В моем сне шел дождь, видимо, потому, что наяву он тоже шел, стучал по крыше, лился на подоконник через распахнутую форточку, тяжелыми каплями стекал на деревянный пол. И еще в моем сне дул теплый ветер – этого, казалось мне, совершенно достаточно для счастья, пока дует ветер, я жива, а все остальное приложится.

«Когда ветер хочет казаться человеком, ему приходится разделить себя на несколько частей и разлить по разным сосудам», – вдруг подумала я. И так удивилась, обнаружив в своей светлой голове столь несусветную чепуху, что проснулась. Утренний дождь уже закончился, на небе сияло солнце, такое неправдоподобно желтое, как будто его только что нарисовал подающий надежды художник четырех с половиной лет от роду.

– Потому что ветер гораздо больше человека, и в одно тело ни за что не поместится, – сказала я вслух и тут же прикусила язык.

Что я окончательно сошла с ума, невелика беда, я всегда была к этому более-менее готова. Но вот бредить вслух не стоит ни при каких обстоятельствах, даже в абсолютно пустой комнате. *Особенно* в пустой комнате, если уж на то пошло.

Кофе и сигареты, – строго сказала я себе, – вот что тебя спасет, дорогая. И повторила:

– Кофе и сигареты.

Нарочно произнесла это вслух, чтобы перебить нехороший сладковатый привкус, оставшийся на губах от предыдущей фразы.

И отправилась вниз, в этот чертов бар. В смысле, в «Le Diabolo». Вчера днем я имела дело с хозяином, а теперь за стойкой стояла его жена, милая женщина лет пятидесяти, худая, как жердь, без намека на макияж и какие-либо средства ухода за кожей, но все еще очень красивая, я бы, по крайней мере, не отказалась так выглядеть в ее годы.

Получив кофе с молоком и круассан, я села у окна, из которого открывался прекрасный вид на городские ворота, и стала думать, что делать дальше.

Теоретически мне следовало собирать пожитки и ехать в Менд, к Людке, как собиралась. Но этот вариант, сказать по правде, казался мне наименее привлекательным. Какой, к черту, Менд, какая Людка? Я и раньше плохо представляла, о чем с ней говорить, а уж теперь-то, когда мне с собой общий язык найти непросто...

Ладно, решила я, все равно автобус будет только после обеда. И, обрадовавшись отсрочке, вышла на улицу.

...Несколько минут спустя я уже кружила по старому городу в поисках давешнего кафе. Не знаю, что там происходило на площади – наваждение, сон, бред и галлюцинации, очень похоже на то, но неважно. Кафе-то было самое настоящее. Салат с гренками и мясо никак не могли мне присниться, тяжесть в животе поутру веское тому доказательство. Ну и где оно?!

– Так, тут я вчера точно шла, – бормотала я, – этот балкон даже сфотографировала, а в этот бар заглянула, но там никого не было... Точно в этот? Ну да, все правильно, «Le Griffon», такое название ни с чем не перепутаешь. А потом я шла прямо, пока не попала на площадь. Совершенно верно, вот она, площадь. Кафе должно быть где-то здесь.

– Должно быть где-то здесь, – упрямо повторила я после того, как шесть раз обошла площадь по периметру, сунув нос во все открытые двери и тщательно изучив закрытые.

Потом я села на ступеньку чужого крыльца и расплакалась, впервые за... а даже и не знаю, за сколько лет. Во всяком случае, в школе я уже точно не ревела, ни разу за все годы, а позже – тем более, хотя поводы, конечно, были, причем гораздо более веские, чем пропажа какого-то дурацкого кафе в городе, где я сдуру вышла из автобуса и почему-то решила задержаться.

– Ну и чего ты реवेशь? – строго спросил меня знакомый голос.

Я огляделась по сторонам, и совершенно напрасно, потому что этот красавчик, мсье Мендозо, сидел прямо передо мной, на корточках.

– Кафе здесь ищешь? – сочувственно спросил он. – Это ты напрасно. Мое кафе два раза подряд на одном и том же месте не появляется. И открываю я его ближе к вечеру...

– Удивительно, что при таком подходе к делу ты до сих пор не разорился, – вздохнула я, обнаружив, что у меня нет сил ни радоваться его внезапному появлению, ни удивляться словам, ни даже как следует рассердиться – да вот хотя бы на себя.

– У меня другой бизнес, – серьезно объяснил мсье Мендозо. – Кафе – это, как говорится, хобби.

– А где оно будет сегодня? – Спросила я.

– Понятия не имею. Это всегда выясняется в самый последний момент.

Мы немного помолчали. Я думала, что надо бы все-таки рассердиться, встать и уйти, но из этого ничего не вышло.

– Когда я предлагал тебе переехать в любой из пустых домов, я не шутил, – внезапно сказал мсье Мендозо. – И насчет колокольчиков в окне тоже не шутил, тебе непременно придется их повесить, – поспешно добавил он, словно все остальные условия договора мы уже обсудили.

Я с досадой пожала плечами.

– И что я тут буду делать, как по-твоему?

– Жить, – ответил он. – Гулять по городу, ужинать в моем кафе, ходить на представления, когда пожелаешь – я хочу сказать, что это не обязанность, а просто возможность. Если захочешь потанцевать, можем попробовать, хотя я не уверен, что получится. По-моему, это умение при разделе целиком досталось сестренке...

– Ты что, *разделил себя на несколько частей и разлил по разным сосудам?*

Сама не знаю, как и зачем я это сказала. И тут же вспомнила, что утром, когда эти слова звучали у меня в голове и срывались с губ, у них был отчетливый привкус безумия. А теперь я его не чувствовала. Видимо, уже привыкла быть сумасшедшей и нести околесицу. Я вообще быстро ко всему привыкаю.

– Всего на две части, всего по двум сосудам, – безмятежно отвечал мсье Мендозо. – Рад, что ты сама все понимаешь, а то даже и не знаю, как стал бы объяснять... Так ты подумай насчет переезда. Город будет тебе рад, и я тоже.

Он поднялся, махнул рукой, от киоска с мороженым, стоявшего на другой стороне площади, отделилась высокая тоненькая фигурка и побежала в нашу сторону. Сестренка мсье Мендозо стремительно приближалась к нам, на ходу вылизывая вафельный рожок.

– *По разным сосудам*, – невольно повторила я, глядя на нее, и содрогнулась, впервые по-настоящему осознав смысл этих слов.

– Это не страшно, а весело и ужасно интересно, – скороговоркой сказала она, подошла к брату, обняла его, вернее, повисла у него на шее, и они – нет, даже не исчезли, просто мне внезапно стало ясно, что их нет и, вероятно, никогда не было, и, пожалуй, уже не будет, да и с чего бы.

И я пошла назад, в «Le Diabolo», рассудив, что мне там самое место.

В баре я на всякий случай спросила хозяйку, знает ли она некоего мсье Мендозо. Дескать, он мой старый знакомый и, вроде бы, держит кафе где-то в центре города, но я не смогла его отыскать...

– Кафе? – Изумилась женщина. – Нет-нет, вы, наверное, неправильно запомнили фамилию вашего знакомого. В этом городе Мендозо только один, и он не «мсье», а юго-западный ветер. Считается, что он дует из Менда, даже имя в честь него получил, но я думаю, это неправда. Ветер прилетает, откуда вздумается, и дует, где захочет, а иначе зачем быть ветром, скажите на милость?

– Да уж, – вздохнула я. И заказала чашку кофе.

Выпила его залпом, вышла на улицу, села у входа, закурила и вдруг поняла, что мне смертельно надоела вся эта романтическая метафизика. Пусть себе прилетает откуда вздумается и дует, где захочет, а я поеду домой. Людке потом позвоню, придумаю что-нибудь или ничего не придумаю, пускай обижается, так даже лучше, лишь бы в гости звать зареклась, потому что я в эти края больше ни ногой. Хватит с меня. Хватит.

И я побежала наверх собирать вещи...

– И что было дальше? – спрашиваю я.

– Дальше? А что могло быть дальше? Автобус до Клермон-Феррана, поезд в Париж, перевод, вернее, два перевода, пять экскурсий и одно свидание. Впрочем, совершенно провальное. Я сбежала через полчаса и позвонила тебе, потому что поняла, что совсем свихнусь, если никому не расскажу, а слушать такое никто, кроме тебя, не станет... А потом отправилась за билетом. И поехала, и приехала. И вот, все рассказала. Кажется, мне действительно легче. Доктор, я буду жить?

– Долго и счастливо, – киваю я.

Какое-то время мы молчим. Тишину нарушает только тиканье моих часов. Когда-то я нашел их у мусорного бака, влюбился с первого взгляда и приволок домой. У этих часов есть большой круглый циферблат и прекрасный, исправно работающий механизм, но нет стрелок. Они громко тикают, отмеряя время, но не показывают результат, и это, с моей точки зрения, лучшее, что могут сделать милосердные часы для своего владельца.

– И что мне теперь делать? – наконец спрашивает Люс.

Пожимаю плечами.

– Полагаю, ты уже купила билет до Марвежоля? В один конец?

– Билет всегда можно сдать, – говорит она, уставившись в пол.

– Можно сдать. А можно не сдавать. Что мне по-настоящему нравится в жизни, так это многообразие возможностей.

– То есть, ты думаешь, я не сошла с ума? – осторожно спрашивает Люс.

– Пока нет. Вот если ты все-таки сдашь билет, тогда я, пожалуй, начну беспокоиться.

– Ладно, – бормочет она, – как скажешь. Я-то надеялась, что ты...

– Что я стану тебя отговаривать? И тогда ты, наконец, убедишься, что приняла правильное решение, назовешь меня дураком и уйдешь, хлопнув дверью?

– Хлопать дверью я не планировала, – сердито говорит Люс. – Но, в общем, да, я бы предпочла, чтобы ты меня отговорил. Должен же кто-то удержать меня от этой нелепой выходки.

– Если бы ты действительно этого хотела, ты бы пришла не ко мне. К кому угодно, только не ко мне, – смеюсь я, и она, наконец-то, тоже начинает улыбаться.

– Все гораздо хуже, чем ты думаешь, – вздыхает она. – Я уже успела уволиться. То есть, обещала поработать до конца месяца, но это – все. Впрочем, от квартиры пока не отказалась. Хорошая квартира, маленькая, но очень удобная, ты же там был, да? Скажи, отличная? И сравнительно дешевая. В общем, я не решилась вот так сразу с ней расстаться. Там пока одна моя подружка поживет, а потом видно будет... Слушай, ну чего ты такой довольный сидишь? Мне, между прочим, очень страшно. Я просто умираю от страха, ежесекундно! Ни о чем думать не могу, все из рук валится. Представляешь, вдруг я приеду, а там... А там просто маленький, красивый, богом забытый городок, их во Франции больше, чем блох на собаке. Дюжина кафе, пять продуктовых магазинов, две гостиницы, одна средняя школа. И никаких представлений по ночам. И никаких оборотней. И никакого ветра.

– Отставить панику, – говорю я. – Ветер там, в любом случае, будет. А это, если я все правильно понимаю, главное.

Б

Первый фрагмент пазла, если быть точным, его правый нижний угол, попался мне на глаза на перроне вокзала Тулуза-Матабью. На кусочке картона была изображена сочная трава, белая стена и узкая желтая дверь, а в самом углу примостилось антропоморфное существо с львиной гривой, пародирующей мою собственную непростительно запущенную прическу, и надпись «Auterive». Причем и лохматая тварь, и красные, нарочито неровные, словно бы торопливым учительским карандашом написанные буквы явно были не частью большого рисунка, а чем-то вроде фирменной эмблемы изготовителя – очень уж мелкие и яркие.

Мне показалось, приехать в незнакомый город и сразу же найти фрагмент пазла – это хорошая примета, поэтому я подобрал разноцветную картонку и положил в карман. Я не то чтобы верю в приметы, зато регулярно их изобретаю, при случае пересказываю друзьям, прикирая для убедительности – дескать, эту телегу от симпатичного старичка в поезде услышал, а эту мамина троюродная сестра из Индии привезла – и выкидываю из головы. А выдумки мои понемногу расползаются по знакомым друзей, приятелям этих неведомых знакомых и двоюродным бабушкам их сослуживцев. Порой они возвращаются ко мне таким ласковым бумерангом, и я всякий раз удивляюсь – надо же, еще одна прижилась. Добрые приметы – вот что останется после меня вместо домов, деревьев и сыновей, и это приятно щекочет ту пятку моей души, в которой обитает тщеславие. Если доверять ощущениям, левую.

Второй фрагмент пазла поджидал меня неподалеку от вокзала, на мосту через канал Миди. Не заметить его было невозможно – кирпично-рыжий на ярко-зеленом фоне. Не сочетание цветов, а пронзительный крик, не зря прохожие аккуратно обходили этот осколок чужой двумерной жизни, даже мчащиеся к вокзалу владельцы большегрузных чемоданов на колесах невольно тормозили, забирали кто вправо, кто влево, пугая голубей и велосипедистов.

Я издали приметил разноцветное пятнышко и устремился к нему, как зачарованный. Присел на корточки, поднял, положил в карман и только потом, за столиком кафе на улице Байярд, в двух кварталах от вокзала обнаружил, что оба фрагмента из одного набора, даже, похоже, соседи, в смысле, идеально соединяются. Так что в моем распоряжении оказался неплохой

земельный участок, поросший зеленой травой, и целых два дома: белый с желтой дверью и кирпичный с синей, вернее, только первые этажи этих домов – ну так на то и пазл.

Пепельницы не было, а бросить окурок на тротуар рука не поднималась, поэтому я нагнулся, чтобы аккуратно затушить сигарету о металлическую ножку стула, и был вознагражден: под столом обнаружился третий фрагмент пазла, так что белый дом обзавелся сразу двумя окнами – причем, из одного выглядывала седая румяная старушка – а во мне внезапно проснулся охотничий азарт. Я почувствовал, что хочу собрать эту картинку полностью, увидеть остальные окна, двери и крыши, узнать, что за дома стоят по соседству, и какое там у них небо – голубое или затянутое тучами. Я огляделся по сторонам в надежде обнаружить еще один фрагмент. Теперь я искал его сознательно, можно сказать, *требовательно* и, заметив на самом краю тротуара разноцветную картонку – много зеленой травы, осколок кирпичной стены, ступеньки, порог и чей-то черный хвост – очень обрадовался. Даже сердце забилось быстрее, и голова слегка закружилась от волнения, как в детстве, когда выходишь во двор, а старшие мальчишки из второго подъезда вдруг спрашивают: «Будешь с нами играть?» – и ты, конечно же, с восторгом соглашаешься, не спросив, что это за игра, по каким правилам, потому что какая разница, главное, что позвали, и игра – будет.

Так вот, в тот момент я чувствовал себя так, словно *позвали играть*, и это восхитительное ощущение захватило меня целиком. Только расплатившись по счету за кофе и арманьяк, я немного пришел в себя, но тут же обнаружил под чеком пятый фрагмент пазла – все та же трава, кирпичная стена, древесный ствол и пестрый черно-белый кот, с чьим хвостом мы уже успели познакомиться.

Я, помню, подумал, что пора бы, наконец, удивиться. Причем очень сильно удивиться. *Офонареть*, как говорили в детстве. Но вместо этого просто встал и пошел по улице Байярд, внимательно глядя под ноги, хотя человеку, впервые в жизни попавшему в Тулузу, сам бог велел задирать голову повыше, потому что там, наверху, жемчужное небо, черепичные крыши, кирпичные башни и оконные ставни цвета морской воды.

Однако мне сейчас было, страшно сказать, не до того.

Для меня был заранее забронирован номер в отеле на улице Святого Бернарда; чтобы попасть туда, следовало выйти на бульвар Страсбург и свернуть направо – это я выяснил еще в поезде, разглядывая план городского центра, и теперь намеревался так поступить. Но оказавшись на перекрестке, увидел, что слева, всего в нескольких метрах от меня лежит шестой фрагмент пазла – потемневшая от времени черепичная крыша кирпичного дома и еще один кусок стены белого, который, судя по всему, был гораздо выше соседа. Я без колебаний повернул налево, положил находку в карман и, пройдя всего один короткий квартал, обнаружил седьмой фрагмент – крыши и целая россыпь мелких чердачных окон.

Сокровище это возлежало на крыльце очень узкого старого дома, фасад которого украшала полустершаяся надпись «Hotel» – просто «отель», без названия. Я обдумал сложившуюся ситуацию. Теоретически никто не мешает мне подобрать картонку, вернуться на перекресток и отправиться на улицу Святого Бернарда, где меня, пожалуй, уже ждали. Но мне почему-то казалось – это *не по правилам*. Поэтому я открыл дверь и вошел в безымянный отель, твердо решив: если у них есть свободная комната, останусь. Ребята с улицы Святого Бернарда оштрафуют меня за неявку на пятьдесят евро и будут совершенно правы, а я – сам дурак, но иначе почему-то нельзя.

Комната для меня нашлась – тесная конура с крошечной душевой кабинкой, зато на самом последнем этаже, с окном в полстены, великолепным видом на крыши Тулузы и высокие колокольни ее соборов. И почти вдвое дешевле, чем заранее заказанный номер, так что

моя дурацкая сделка с судьбой оказалась финансово-выгодной, даже с учетом неотвратимого штрафа.

Пока чудесная кареглазая женщина скармливала ветхому компьютеру мои паспортные данные, я разглядывал свою добычу. Фрагменты пазла складывались в более-менее связную картинку, и теперь мне еще больше хотелось увидеть ее целиком. Загадочную надпись «Auterive» я почти машинально воспроизвел на гостиничном бланке. Повинуясь скорее импульсу, чем рассудочному намерению, показал запись портье: можете перевести?

– «Отерив», – медленно, четко, с ударением на последнем слоге воспроизвела она. – Нет, не знаю. Что это? Адрес? Фамилия?

– Понятия не имею, – признался я. – Вот, здесь написано, видите?

– А, ну так, наверное, это название фирмы, – предположила она. – Или фамилия художника. Вы интересуетесь подобными играми? Я знаю прекрасный магазин на улице Paradoux. Это не реклама, действительно прекрасный, правда-правда, – поспешно добавила она. – Я каждый день хожу мимо и смотрю на их витрины. Это недалеко от набережной, вот здесь, – и она развернула карту, не обращая внимания на мое замешательство, ткнула аккуратным коротким ноготком.

Какое хорошее название улицы, подумал я. «Парадокс». Надо же. Вот где следовало бы поселиться.

Однако и нынешнее место жительства, похоже, было выбрано правильно. По крайней мере, восьмой фрагмент пазла – красный кирпич, синие ставни и древесные ветви – поджидал меня на полу лифта. Девятый лежал в чистой стеклянной пепельнице вместо положенного в таких случаях фирменного коробка спичек. Снова белая стена, окна и черепичная крыша с трубой. Еще одна крыша и – ура, наконец-то! – лоскуток безмятежно голубого неба были нарисованы на десятом по счету фрагменте, который обнаружился на полке в ванной комнате, между упаковками мыла и шампуня.

Я снова напомнил себе, что надо бы удивиться. Пожалуй, даже испугаться самое время. Кто-то из нас явно сошел с ума – или я, или весь остальной мир. И еще поди разбери, что хуже. Но ни удивиться, ни испугаться мне так и не удалось, зато я почувствовал себя счастливым. Ощущение было настолько острым, что я впервые в жизни запел, принимая душ. До сих пор надеюсь, что соседние номера пустовали. Был бы набожен, я бы об этом еще и молился – теперь, задним числом.

Выйдя из гостиницы, я первым делом оглядел тротуар. Был совершенно уверен, что сейчас найду и подберу очередной фрагмент своего пазла, а заодно пойму, в какую сторону идти – так-то мне абсолютно все равно, я приехал сюда только для того, чтобы поглядеть на Тулузу, а она тут везде, за каждым углом, куда ни сворачивай. Но разноцветных картонок нигде не было, и я вдруг по-настоящему огорчился. Как в детстве, почти до слез. И куда теперь, скажите на милость, идти? И что делать? Совершенно непонятно.

Я бы, пожалуй, до ночи топтался перед входом в отель, но вдруг вспомнил про магазин на улице Парадокс и воспрянул духом. Сказал себе: игра не закончилась, просто правила изменились, как я сразу не сообразил. Мне дали адрес магазина головоломок, еще и на карте любезно его показали, чтобы не заплутал, нашел, купил целый новенький пазл, собрал его, увидел картинку, успокоился и занялся своими делами, в смысле, начал наконец бесцельно и безмятежно шататься по красивому незнакомому городу Тулузе – чего ж мне еще?

Я достал из кармана карту, сразу увидел царапину на месте улицы Paradoux, прикинул кратчайший маршрут и пошел в сторону реки Гаронны, на запах воды и колокольный перезвон.

Неведомый мой товарищ по игре вскоре одумался и решил меня приободрить. По крайней мере, на площади возле станции метро Капитоль я нашел одиннадцатый фрагмент пазла –

пышная древесная крона, почти полностью закрывшая окна. На улице Ром меня поджидал номер двенадцатый – знакомая белая стена, синие ставни, красная крыша, недостающий осколок печной трубы. И уже на углу улиц Маршан и Парадокс – чистое голубое небо, и ничего кроме неба, тринадцатый фрагмент. Чертова дюжина. Ай да я.

Даже если бы я забрел на улицу Парадокс совершенно случайно, пройти мимо магазина, торгующего головоломками, я бы не смог. Этот дом я заметил еще издалека, а когда подошел ближе, и вовсе оторопел.

То есть, не в магазине дело, витрины и вывеску над входом я сперва вообще не увидел, потому что уставился на окна второго этажа. Глаз отвести не мог. Примерно так, пожалуй, могла бы выглядеть рождественская елка на блошином рынке, украшенная пожертвованиями незадачливых торговцев, самым безнадежным неликвидным барахлом. Белые оконные ставни и кирпичные стены были плотно увешаны дырявыми чайниками, сломанными распятиями, садовыми лейками, бумажными фонарями, разрозненными кукольными конечностями, музыкальными инструментами, разноцветными вертушками, искусственными розами, карнавальными масками, натюрмортами в позолоченных рамах, тяжелыми связками бус, оленьими рогами, расшитыми камзолами и плетеными колокольчиками. На подоконниках восседали безголовые манекены, компанию им составляли керамические рыбы, деревянные крокодилы, крошечные тряпичные птицы и гигантские пластиковые насекомые. Я уже не раз видел окна и балконы, украшенные всякой милой чепухой в таком роде, но они не могли сравниться с открывшимся мне зрелищем, хотя бы из-за его масштабов. Диковинная инсталляция расползлась по всему дому, как заросли дикого винограда, и казалась скорее природным явлением, чем делом рук человеческих.

Мою встречу с прекрасным нарушила скандальная чайка – прилетела, попыталась устроиться на обращенной к небу голой кукольной пятке, получила по башке тряпичным мячом, возмутилась, подняла крик. А я наконец-то восторженно, опустил глаза и обнаружил, что на первом этаже удивительного дома расположен магазин головоломок, и я стою перед самым входом, осталось только сделать шаг и толкнуть дверь.

Я сделал этот шаг и чуть не наступил на четырнадцатый фрагмент пазла – темная черепица, небо и половина устремленной ввысь башенки. Хорошая примета, – подумал я, повинуясь привычке изобретать их на ходу. И впервые в жизни сам себе поверил. И обрадовался. И вошел.

По сравнению с фасадом дома магазин выглядел вполне обыденно – мягкий свет, длинный прилавок, бесконечные стеллажи с коробками. За прилавком сидела рыжая женщина в ярком лоскутном жакете и круглых очках в полосатой, как арбуз зеленой оправе. Мне сперва показалось, ей лет сорок, возможно, чуть больше, и только приглядевшись, я понял, что ее ровесниц уже давным-давно начали называть «бабушками», хотя в данном случае у меня бы язык не повернулся.

Женщина увлеченно читала книгу и поначалу не обратила на меня никакого внимания. Предоставленный самому себе, я принялся разглядывать пестрые коробки, но быстро понял, что без посторонней помощи не справлюсь. Достал из кармана свою дневную добычу и принялся раскладывать ее на прилавке, а когда рыжая мадам с явной неохотой оторвалась от книги и подняла на меня глаза, вежливо поздоровался и спросил: «Вы говорите по-английски?»

Женщина неопределенно пожала плечами – как я понял чуть позже, это означало «скорее нет, чем да». Но тут она наконец увидела разложенные на прилавке фрагменты пазла. Внимательно на них поглядела. Поспешно сняла свои пижонские очки, достала из кармана кофты другие, с толстыми стеклами, надела их и снова уставилась на мой пазл. Наконец, взяла в руки фрагмент с надписью «Auterive» и лохматой штуковиной, поднесла его к самому носу – видимо, старалась прочитать мелкие буквы. А разобрав, пришла в смятение, какого я совер-

шенно не ожидал. Вскочила, всплеснула руками, заговорила, перемежая торопливую французскую речь немногочисленными английскими словами, опознать которые в ее исполнении было почти невозможно. Испытующе глядела на меня: понял? Нет? Окончательно убедившись, что не понял, не села, а рухнула на стул и адресовала мне взгляд, исполненный невыразимой муки. Но тут же встрепенулась, подняла палец – дескать, погоди – достала из кармана телефон, запиликала кнопками, заговорила с кем-то невидимым, так страстно и нетерпеливо, что даже я был готов согласиться на любое ее предложение – понять бы только, чего именно она хочет.

Закончив разговор, рыжая поглядела на меня с торжествующей улыбкой, собрала фрагменты пазла, вложила их мне в руки, достала откуда-то обрывок клетчатой бумаги и карандаш, написала: «20:00». Выразительно потыкала указательным пальцем в прилавок. Спросила что-то вроде: «Компрёнэ ву?» Я кивнул. Чего ж тут непонятного. Меня просят вернуться сюда в восемь вечера. Зачем – черт его знает. Но я, конечно, вернусь.

Она с облегчением рассмеялась, ласково погладила меня по руке и снова защебетала. В ее исполнении французский язык был невероятно красив и безнадежно непонятен. Так-то, на вокзале, на улице, в кафе я кое-что разбирал – ну, или мне казалось, что разбираю.

До восьми оставалось еще часа два. Стоило выйти на улицу, как обнаружилось, что справа меня поджидает пятнадцатый фрагмент пазла (еще один кирпичный дом, похоже, высокий и очень узкий). А на пересечении улиц Парадокс и Мадлен – шестнадцатый (голубое небо, острие башни). А на единственном пустующем столике кафе, которое обнаружилось за углом – семнадцатый (осколок черепичной крыши, вершина далекого холма, засаженного деревьями). Кафе называлось «Magie» – на мой взгляд, немного чересчур в лоб, но иного я, пожалуй, уже и не ждал.

Пока я сидел на веранде кафе «Мажи», кутался в слишком тонкое, как оказалось, пальто, цедил незнакомые напитки, испепелял сигареты, смутно ощущая себя самым неприкаянным человеком на земле, чем-то вроде бильярдного шара, оставленного на столе внезапно утратившими интерес к игре новичками, город окутали прозрачные синие сумерки. Когда они сгустились до чернильной темноты, я поглядел на часы и с удивлением обнаружил, что уже пора возвращаться на улицу Парадокс – неизвестно, зачем, но это не имело никакого значения. Все равно ведь пойду, а если я что-то не так понял, и магазин будет закрыт, вернусь завтра, а если понадобится, и послезавтра тоже, иначе – *не по правилам*, так мне почему-то казалось.

Магазин действительно был закрыт, но на тротуаре возле освещенной витрины меня поджидал восемнадцатый фрагмент пазла – небо и летящая птица – поэтому я осторожно постукивал в стекло, и дверь тут же распахнулась.

Ее открыла другая женщина, совсем юная, темноволосая и черноглазая. Поприветствовала меня по-английски, и все тут же встало на свои места: рыжая вызвала переводчицу, потому и попросила меня прийти позже – мог бы сразу догадаться, честно говоря.

Рыжая по-прежнему восседала за прилавком; увидев меня, она возбужденно заговорила, вернее, затараторила, не останавливаясь, но черноглазая перевела этот длинный монолог одной фразой.

– Пожалуйста, покажите еще раз ваш... Вашу игру.

– Пазл, – подсказал я, выкладывая на прилавок свои находки. – Пока гулял, нашел еще несколько фрагментов. Собственно, я зашел, чтобы спросить – возможно, у вас продается такой же? Я очень хочу собрать его целиком. Но нет гарантий, что найдутся остальные кусочки. Я и эти каким-то чудом нашел, вернее, весь день по городу собираю...

Тут я сообразил, что переводчице нужна пауза, чтобы перевести все, что я наговорил, и умолк.

Она насмешливо улыбнулась – дескать, наконец-то заткнулся – и защебетала по-французски. На этот раз одной фразой дело не обошлось, мне показалось, барышня успела сказать

гораздо больше, чем я. Впрочем, рыжая то и дело ее перебивала, так что, возможно, они вовсе позабыли обо мне и принялись обсуждать другие свои дела. Какое-то время спустя, я решил напомнить о себе.

– Так у вас в магазине есть этот пазл? Можно его купить?

Они одновременно повернули ко мне веселые и почему-то сердитые лица. Переглянулись, рассмеялись, и черноглазая сказала:

– Купить этот пазл, конечно же, нельзя! Как вы могли такое подумать?

В ее голосе явственно звучало возмущение, но губы почти поневоле складывались в улыбку; все это выглядело так, словно мое желание приобрести головоломку было чрезвычайно неприличным и одновременно лестным для присутствующих дам.

Я окончательно перестал понимать, что происходит, но смутился и растерялся, как подросток, нечаянно сунувший нос в какие-то таинственные взрослые дела. Пробормотал:

– Тогда извините за беспокойство, – и попятился к выходу. Тут же вспомнил, что мои картонки все еще разложены на прилавке, и остановился, протянув руку – дескать, добришко-то верните.

Рыжая опять затараторила, размахивая руками, а черноглазая переводчица отчаянно замотала головой.

– Нет-нет, не уходите, – сказала она. – Жанна хочет кое-что вам сказать.

Жанна. Вот, значит, как ее зовут.

Черноглазая наконец начала переводить по-человечески, ничего не добавляя от себя.

– Это вы извините за беспокойство. Жанна очень удивилась, когда вы пришли и показали ей свою находку. Это... – она нахмурилась, что-то переспросила у рыжей и, наконец, продолжила: – Это, несомненно, изделие фирмы «La Création». Большая редкость – хотя бы потому, что фирмы-изготовителя уже много лет не существует. К тому же, они всегда выпускали очень маленькие партии очень дорогого товара. Не лучший способ пробиться на рынке настольных игр... А вот эта эмблема, – она бесцеремонно постучала пальцем по растрепанной голове неведомого существа, – своего рода подпись Мишеля Мерю, модного в середине восьмидесятых художника-графика, который работал на «La Création», причем совсем недолго, что-то с ним потом случилось, не то заболел, не то просто в Индию уехал и не захотел возвращаться; факт, что рисовать он перестал и вообще пропал из виду. Все это я знаю со слов Жанны, она большой знаток и серьезный коллекционер. Вполне естественно, что она захотела выяснить, откуда у вас этот пазл, и поэтому попросила вас вернуться, чтобы я могла перевести. Теперь ей очень жаль, что мы отняли у вас время и при этом ничем не смогли помочь. Но...

Черноглазая умолкла и вопросительно уставилась на свою подругу. Та произнесла всего несколько слов и улыбнулась мне, на сей раз с нескрываемой симпатией.

– Жанна говорит, вы и сами хорошо справляетесь. Уже больше половины собрали. Всего за один день! Кстати, можете их забрать.

Я подошел к прилавку, рыжая Жанна неожиданно взяла мои руки в свои и сердечно их пожала, как будто благодарила за что-то.

– А вы случайно не знаете, что означает это слово – «Auterive»? – спросил я, не особо рассчитывая на ответ.

Переводчица коротко рассмеялась и перевела мой вопрос. Рыжая удивленно покачала головой, но ответила.

– Это, конечно же, город, – повторила за ней черноглазая. И уже от себя пояснила: – Город так называется – Отерив.

– Он где-то рядом с Тулузой?

Она пожала плечами.

– Наверное. Скорее всего, рядом.

– А женщина в отеле о нем не знает, – вспомнил я. – Я ее тоже спрашивал, а она сказала – наверняка название фирмы или фамилия художника.

Она перевела рыжей наш диалог и передала мне ее ответ: «Люди вообще очень мало знают».

Тут не поспоришь.

Я попрощался и пошел к выходу. Рыжая Жанна что-то сказала мне вслед. На этот раз я понял ее без перевода: «Возвращайся», – или что-то в таком роде.

Я ответил: «Иначе и быть не может». А потом всю дорогу думал, почему.

Кстати, девятнадцатый фрагмент пазла – небо, острые верхушки крыш и деревья на далеком холме – я нашел не на улице, а уже в отеле, у себя под подушкой. Пожал плечами – надо же, что творится – и закрыл было глаза, но тут коротко вякнул телефон, и я почувствовал, как кровь приливает к лицу, а сердце суживается и твердеет, и тяжелеет, как камень. Какой ужас, я забыл позвонить домой и последнее sms написал еще в поезде, а потом, получается, пропал на весь день. Не нарочно, просто как-то не подумал, можно сказать, забыл, что у меня есть дом. Просто не ставил вопрос таким образом. Утратил не память, но способность постоянно иметь в виду, что кроме текущего здесь-и-сейчас существует еще что-то, какая-то предыстория, контекст, бэкграунд. Нечего сказать, хорош. Они же там с ума сходят, телефон забит сообщениями, как рыбе брюхо икрой, в последнем – дюжина вопросительных знаков и больше ничего. Так мне и надо.

Надо было бы немедленно позвонить домой, да я и хотел позвонить, но почему-то так и не решился набрать номер. Мне казалось, что знакомый голос на том конце провода станет мостом, по которому мне волей-неволей придется вернуться *обратно*. То есть, конечно, не перенестись чудесным образом в свою квартиру, но просто снова стать человеком, у которого есть близкие, дом, имя, фамилия, вчерашний день и еще пятнадцать тысяч триста пятьдесят шесть позавчерашних дней, и вообще все и *больше ничего*.

К этому я пока не был готов.

В итоге, я ограничился длинной объяснительной запиской: дескать, уронил телефон на пол, он сломался, но теперь его починил ночной портье, все в полном порядке, ложусь спать.

Отправил по назначению полсотни с лишним знаков спасительного вранья и, дождавшись ответа, уснул, крепко и сладко, как только в детстве получалось.

Проснулся я от холода. Окно почему-то было открыто, влажный весенний ветер хозяйски хлопотал в моей каморке. А на подоконнике лежали сразу три фрагмента пазла – небо, небо и еще раз небо, ничего, кроме безоблачного голубого неба. Хорошее начало дня, кто бы спорил.

На завтрак мне подали кофе, рогалики, свежайший сыр и двадцать третий фрагмент пазла. Он затаился под салфеткой – трава, первый этаж очередного кирпичного дома, бирюзовая дверь и примерно половинка рыжего кота. Стало быть, вчерашнему черно-белому скучать не придется. Хорошо.

Двадцать четвертый фрагмент пазла – второй этаж нового кирпичного дома и край его крыши – лежал на стойке портье. Я немного колебался, но в конце концов цапнул картонку и быстро сунул в карман. Маленький смуглый старичок, пришедший на смену давешней барышне, не только не возражал, но адресовал мне взгляд столь приветливый и радушный, что я решил расспросить его про город Отерив – а вдруг знает? Написал на бланке «Auterive», показал старику и даже вопрос задать не успел, дед добровольно и без принуждения обрушил на меня все свои познания об окрестностях Тулузы разом. Толку от этого было мало – в отличие от своей вчерашней коллеги, словоохотливый портье знал всего несколько английских фраз, необходимых для общения с постояльцами. Но я все-таки уяснил, что город Отерив:

- существует
- находится всего в тридцати с чем-то километрах от Тулузы
- туда ходят поезда с вокзала Тулуза-Матабью.

Я стоял как громом пораженный. Это что же, получается, я могу туда поехать? Просто пойти на вокзал, купить билет, и?..

Ну да.

И я побежал вверх за пальто. Даже про лифт забыл, и не зря, как выяснилось. Двадцать пятый фрагмент пазла – еще одна стена, на сей раз желтая, без единого окна, но с причудливо изогнутой водосточной трубой – поджидал меня на лестничной площадке между третьим и четвертым этажом. Двадцать шестой – красные крыши далеких домов и пышные кроны деревьев на еще более далеких холмах – лежал на тротуаре, сразу за порогом гостиницы. Зато за двадцать седьмым фрагментом, где помимо усыпанного темными ягодами кустарика красовалась недостающая часть давешнего рыжего кота, мне пришлось лезть в лужу – ночью, оказывается, прошел дождь, и теперь каждая выбоина на тротуаре мнила себя, как минимум, озером, но мне попался действительно выдающийся водоем. Картонка, как ни странно, совершенно не пострадала от влаги, а вот я, добравшись до вокзала, первым делом купил себе новые носки, надел их, выбросил мокрые и только потом отправился в справочную.

Двадцать восьмой фрагмент пазла – снова кирпичные стены и синие ставни – поджидал меня на полу возле окошка информации. Хорошая примета, подумал я – уже в который раз. Сунул строгому господину в форме заранее приготовленную бумажку с надписью «Toulouse – Auterive» и жирным знаком вопроса, несколько секунд спустя, он вернул ее, приписав: «11:40», – и жестом указал в противоположный конец зала, где вдоль стены выстроились автоматы, торгующие билетами. Я вздохнул, мысленно перекрестился и пошел пожинать плоды технической революции.

Билет я купил с третьей попытки и был горд собой чрезвычайно. Обычно освоение незнакомой техники отнимает у меня куда больше времени и душевных сил. И только спрятав билет в бумажник, я обнаружил, что стою на двадцать девятом фрагменте пазла – далекие крыши, закрывающие горизонт, и лоскуток голубого неба.

До отправления поезда оставалось еще минут двадцать. Я купил чашку эспresso в привокзальном кафе и провел там не худшие четверть часа в своей жизни, разглядывая коленки юных велосипедисток и яркие фартуки цветочниц. Поэтому на посадку пришлось не идти, а бежать, но подобрать с перрона тридцатый фрагмент пазла, на котором пестрели осколки стен, крыш, окон и печных труб, я все-таки успел.

Занял место в полупустом вагоне, перевел дух. Несколько минут глазел на проплывающие за окном пригороды Тулузы и только потом заметил на соседнем сидении очередной, тридцать первый по счету фрагмент пазла – трава и цветущая мимоза, аромат которой тут же заполнил вагон, так что немногочисленные пассажиры стали понемногу принахиваться и оборачиваться по сторонам в поисках счастливого обладателя букета.

Я почему-то смутился, как будто меня поймали на горячем, да так, что встал и перешел в другой вагон. И это, как оказалось, было правильно: тридцать второй фрагмент пазла – все та же мимоза и кусок серой стены – валялся на полу в тамбуре. А тридцать третий – продолжение серой стены и распахнутые окна с зелеными занавесками – нашелся на откидном сидении возле двери, за которое я ухватился, когда поезд вдруг трянуло на стыке.

Тридцать четвертый фрагмент пазла – крыша серого дома, крошечные башни и далекие колокольни на заднем плане – выпал из моего собственного бумажника, когда я полез за билетом, чтобы предъявить его очаровательной юной контролерше, вооруженной компостером, похожим на бластер из фантастических фильмов. А когда она ушла, я вдруг почувствовал, что очень устал. Прислонился лбом к холодному оконному стеклу, закрыл глаза и не откры-

вал их, пока звонкий женский голос не произнес длинную непонятную фразу, в которой однако фигурировало хорошо знакомое мне слово «Отерив».

Поезд уже полз вдоль перрона, я вскочил и отправился к выходу, на ходу застегивая пальто. Вышел и внимательно огляделся: я был совершенно уверен, что тридцать пятый фрагмент пазла где-то здесь, у меня под ногами. И еще я знал, что он – последний, хотя до сих пор мне никогда не попадались пазлы, состоящие из тридцати пяти элементов. Но мало ли что было до сих пор.

Поезд уехал, приветливо свистнув на прощание, и только тогда я увидел, что вожде- лен- ный кусочек картона лежит прямо на шпалах. Спрыгнул вниз, подобрал его – левый верхний угол, небо, солнце, и ничего кроме солнца. Вскраб- ка- лся обратно. Присев на короточки, стал раскла- дыва- ть свою добычу прямо на перроне. А где еще.

Так и есть, картинка сложилась целиком, семь фрагментов по горизонтали, пять по вер- тика- ли. Передо мной была панорама очаровательного провинциального городка, освещенного ярким весенним солнцем. Кирпичные и оштукатуренные стены, разноцветные ставни, чере- пи- чные крыши, зеленая трава, цветущие кусты, островерхие башни и старые колокольни. Я долго бродил по этим узким безлюдным улицам, нюхал мимозу, гладил снисходительных ко- тов, то и дело натыкался на закрытые двери лавок и кафе, и – не то чтобы удивлялся, но чув- ствовал, что так быть не должно. Наконец, оставил поиски и пошел обратно к вокзалу.

На привокзальной площади сидела старая женщина с седыми волосами и крестьянским румянцем во всю щеку. Она гладела по сторонам и возбужденно бормотала себе под нос что-то вроде: «Же суй. Ту э. Сэ этона». Мне показалось, я понимаю, что она говорит¹⁴, и вот теперь я наконец испугался, да так, что впору было закричать.

Но я, конечно, не закричал, а вошел в пустое здание вокзала, купил билет в автомате, вышел на перрон и принялся ждать поезд. Я знал, что он скоро приедет.

Я чертовски проголодался, но, вернувшись в Тулузу, не стал тратить время на рес- то- ран. Купил на улице горячий блин с курятиной и другой, с ореховой начинкой, съел их на ходу, почти не ощущая вкуса. Карту я сдуру оставил в гостинице и теперь немного опасался, что заплутаю, но ноги сами привели меня на улицу Paradoux.

Магазин был открыт, а за прилавком сидели обе мои вчерашние подружки – и рыжая, и черноглазая. Это был приятный сюрприз, а я-то всю дорогу голову ломал, как объяснить, что мне надо. А теперь можно сразу приступить к делу.

– Мне нужны другие пазлы фирмы «La Création», о которой мы вчера говорили. Жанна сказала, она коллекционер. Возможно, у нее есть то, что мне нужно. Или она знает, где это можно достать. Мне не обязательно покупать, могу взять напрокат, всего на день, или даже на несколько часов, под любой залог.

– Не нужно так волноваться, – попросила рыжая. На этот раз я понял ее прежде, чем заго- ворила переводчица.

– Сперва скажите, что именно вы хотите найти. А Жанна посмотрит, есть ли это в ее коллекции.

– Те, которые рисовал художник Мишель Мери... Мере... Мерю, правильно? Может быть, он успел сделать картинки «Кафе в Отерив», «Ярмарка в Отерив», «Цветочная лавка в Отерив», «Воскресный день в Отерив», и так далее... Не обязательно именно эти названия, просто что-нибудь в таком духе. Чем больше, тем лучше.

Женщины возбужденно зашептались, наконец, черноглазая, повернувшись ко мне, ска- зала:

¹⁴ Искаженное «Je suis. Tout est. C'est étonnant» – «Я есть. Все есть. Это удивительно».

– Жанна говорит, что-нибудь непременно найдется. Она рада, что вы начали входить во вкус.

§

«Холод тут собачий», – пишу я, и Нанка мгновенно реагирует: «А потому что нефиг было».

Все три дня, что мы лязгали зубами на пляжах Барселонетты и самозабвенно истребляли скудный зимний улов местных рыбаков, она недоумевала: на кой я собираюсь ехать куда-то еще? Какая, в жопу, Сарагоса? Зачем уезжать человеку, который уже в Барселоне? Чего ж еще желать? Манана сама когда-то сюда всего на день заскочила поглядеть на Саграду, но забрела в Борн и пропала. Сперва задержалась еще на недельку, потом – на месяц, потом на год, и еще на один, и ясно уже, что никуда она из Барселоны не уедет, хоть режьте, и совершенно не понимает, как другие могут. Эдо, наш общий добрый друг, с тех пор с удовольствием рассказывает всем желающим, какой страшный город Барселона – дескать, *водопроводная вода там горчит не от морской соли, а от приворотных зелий, и неосторожный путник, не позаботившийся запастись бутылкой какой-нибудь безобидной минералки, сделав глоток, влюбляется в этот город навеки, после второго начинает строить планы, как бы тут поселиться, а после третьего вспоминает, что живет в Барселоне с детства*.

Впрочем, он преувеличивает опасность. Я тоже люблю Барселону и приезжаю сюда при любой возможности, но и уезжаю без сожалений; я вообще люблю уезжать, потому что не уехав из одного города, довольно затруднительно приехать в другой, а приезжать мне нравится больше всего на свете, особенно в города, о которых когда-то читал в книжках. Немного стыдно признаваться, но чего уж там, я ездил в Берлин ради «Трех товарищей», в Лондон, конечно же, из-за Шерлока Холмса, в Вену по следам Джона Ирвинга и Джонатана Кэрролла, в Каир за «Арабским кошмаром», тщательно исследовал главное место действия «Иерусалимского квартета» Уитмора и так далее, долго перечислять. И, кстати, похоже, именно поэтому до сих пор не был в Париже – ни одна из книг, действие которой происходит в столице Франции, не тронула меня по-настоящему, даже «Три мушкетера» в детстве, хотя казалось бы.

Звучит все это, я знаю, нелепо, поэтому я о литературоцентричном принципе своего туризма почти никому не рассказываю. Но на деле все не так ужасно, как можно подумать, то есть, гуляя по городу, я не воображаю себя героем романа и, упаси боже, не мечтаю о встрече с прелестной героиней. Словом, я не *погружаюсь в пучину безудержной фантазии* и вообще не загромождаю голову возвышенными мечтаньями, а просто хожу, смотрю по сторонам, пробую местную еду, вглядываюсь в лица прохожих, слушаю чужую, часто непонятную речь и всем телом ощущаю, как понемногу овеществляется иллюзорная реальность, частью которой я был когда-то, пока читал книжку. И мне становится хорошо, сладко и полно где-то в потаенной глубине, как будто душа пробудилась после долгой спячки, тут же стырила банку клубничного варенья из бабкиного буфета и слопала за один присест, запивая горячим чаем. Как-то так.

Так что понятно, почему Сарагоса. Манана тоже сразу догадалась. Заржала – дескать, за рукописью едешь? Ну-ну, удачи. Ты ее, кстати, сколько раз перечитывал? Пять? А я всего три, но тоже неплохо, согласись.

Родная душа.

...Но теперь эта родная душа не спешит проявлять сочувствие. Пишет: «А я тебе говорила, не надо заказывать гостиницу на три ночи, одной за глаза хватит. Откажись и возвращайся завтра». Отвечаю: «Посмотрим», – но думаю, что она, скорее всего, права. Сегодня плюс десять, но такой ледяной ветер, что руки из карманов вынуть невозможно, а завтра, по прогнозу, плюс восемь и дождь, а послезавтра, глазам не верю, от плюс четырех до минус двух ночью и, Матерь Божья, снег. Надеюсь, это просто злая шутка синоптиков.

Номер в отеле на улице Кондэ д'Арандо – крошечная деревянная коробочка, почти всю полезную площадь занимает гигантская кровать. «Это чтобы человек во сне соблюдал прили-

чия и не прижимался к самому себе», – пишу я Нанке, а она отвечает: «Нифига, это чтобы поутру хватило места для двух повешенных». Я смеюсь, отправляю ей полдюжины смайликов и выхожу наконец на улицу, в Сарагосу. За полчаса, пока я переодевался и изучал метео-сводки, теплее, увы, не стало. Зато красиво. Красивый город Сарагоса, очень красивый, твержу я про себя, как заклинание. И ведь не то чтобы вру. Действительно красивый город. Но какой же неприветливый. Строгий. Величественный. Суровый. Официальный. Надменный. Вытянулся, встал по струнке, выпрямился. Как аршин проглотил. Чувствуется, что здесь все *всерьез*. Шутки кончены. И куда ни повернешь, бледное зимнее солнце яростно светит в глаза, вопреки законам божьим, человеческим и тем, которые из школьного курса физики: кто с тобой работает? Явки, адреса, пароли! Не злой, не добрый, а совершенно равнодушный к жертве и даже к результату допроса следователь, движимый исключительно чувством профессионального долга.

Сарагоса, думаю я, похожа на старого богатого дядюшку, познакомившись с которым, понимаешь: черт бы с ним, с наследством, обойдемся, лишь бы никогда больше с этим мрачным хмырем дела не иметь. Однако после третьей рюмки хереса вдруг выясняется, что старик – превосходный рассказчик, и память у него дай бог каждому, а жизнь была – офигеть какая, и ты сидишь, открыв рот, развесив уши, а потом мчишься к «мрачному хмырю» по первому зову, и не ради наследства, конечно, ты о нем уже и думать забыл.

В общем, дело за тремя рюмками.

Эй, говорю негромко, как же тебя подпоить? Но Сарагоса по-русски не понимает и по-английски тоже, зато по-арабски, не сомневаюсь, поймет, но я ни слова не знаю, и по-испански не могу такую сложную фразу сконструировать, мне бы чего попроще. Бебамос¹⁵! – говорю. – Бебамос!

Какое там. Нет ответа.

Это, видимо, потому, что я Сарагосе тоже пока не нравлюсь. Уж не знаю, чем не угодил, но давно заметил: когда город мне симпатизирует, я на каждом углу натыкаюсь на отличные кофейни и винные погребки, на выбор, чего душа пожелает. А здесь уже целый час хожу и еще ни одной забегаловки не приметил. То есть, вообще ничего. Негде бедному страннику выпить чашку кортадо и стакан воды, а меж тем жажда меня вконец замучила, горло пересохло, при том, что холод собачий. Не город, а ледяная пустыня, черт знает что.

Сжалившись надо мной, но не желая сдавать позиций, Сарагоса пошла на компромисс, явила мне пыльный автомат, беспринципно торгующий кокой и пепси сразу. И обычная несладкая минералка там нашлась. Ликуя, я осушил сразу полбутылки, а потом стал оглядываться в поисках лавки для перекура. Холодно, конечно, но – переживу, лишь бы зажигалка работала на этом ветру.

Не с первой, конечно, попытки, даже не с десятой, но своего я добился и блаженно откинулся на спинку скамьи, установленной под беззаботно зеленеющим листовным деревом неизвестной мне породы. Вода была мокрой, табак в сигарете – сливовым, лавка – теплой от солнца, а к ледяному ветру я уже, вроде, начал привыкать. Вполне можно жить.

Тем временем на другой стороне улицы рылся в мусорном контейнере надменный арагонский бродяга – с идеально прямой спиной и невидимым, но совершенно внятным «испанским воротником» на шее. Рядом топтался полицейский. Представитель власти, как я понимаю, старался призвать бездомного к порядку, но со стороны их беседа выглядела как встреча переодетого в лохмотья начальника с самым непутевым из подчиненных. Просто полисмен, бедняга, приезжий, сочувственно подумал я. А у этого бомжика предки в армии Альфонсо Первого Арагонского сражались, зуб даю.

¹⁵ Bebamos – давай выпьем (исп.)

И тут сверху раздался глас. Я, что характерно, понял его без перевода. Потому что глас сказал: «мяу».

Я задрал голову. На ветке – не то чтобы очень высоко, но вот так с земли не дотянешься – сидела небольшая черно-белая кошка. Вообще-то я не ахти какой кошатник и обычно пол зверя с первого взгляда определить не могу, но у этой красотики была такая девчачья морда, хоть бантик привязывай.

– Мяу! – требовательно повторила она.

Кошка явно обращалась не в пространство, а непосредственно ко мне. Дескать, ты же мужик. А я тут страдаю. Давай, сделай что-нибудь.

Эту гадскую беспомощную, мобилизующую на подвиг интонацию ни с чем не спутаешь. Я был обречен.

– Ладно, – сказал я, – сейчас. – Можно я сначала докурю?

Она коротко мявкнула, сердито, но и снисходительно – дескать, что с тебя взять, бревно бесчувственное, если ты способен спокойно дымить, пока дама в беде, давай, я потерплю. Я, кажется, покраснел, но все-таки докурил. Чтобы, значит, не дать сбить себя с толку. Ну и характер показать никогда не помешает. А потом – куда деваться – залез с ногами на лавку. И обнаружил, что не дотягиваюсь. А прыгать ко мне на руки кошка не желала. Хотя расстояние между ее лапами и моим рукавом было не больше метра, не о чем говорить.

– Вот же стерва капризная, – уважительно сказал я.

И полез на спинку, благо она была толстая и прочная, а сама скамья, похоже, глубоко вкопана в землю. Авось не рухнет.

Скамейка выстояла. Зато я сам чуть не рухнул, поскользнувшись на темном дереве, отполированном временем и надменными арагонскими задницами. Но вовремя ухватился одной рукой за древесный ствол, а другую протянул кошке, и она наконец соизволила пронзить острыми, как зубы адских насельников когтями рукав моего пальто, тонкое руно свитера, ну и предплечью досталось знатно, я даже охнул от боли. Кошка тут же спрятала когти, переместила передние лапы мне на грудь и утешительно замурлыкала. Дескать, прости дуру, я нечаянно, как мне загладить свою вину?

– Ничего, ничего, – примирительно сказал я. – Бывает.

Аккуратно спустился на землю, снова уселся на лавку. Кошка и не думала уходить. Уткнулась носом мне в шею и грохотала как трактор.

Жителей города Салдива¹⁶, богатого и преуспевающего, каждую ночь мучают кошмарные видения – и спящих, и бодрствующих, и грешных, и праведных, и ученых, и невежд. И столь ужасны бывают эти видения, что никто не может сохранить рассудок, встретившись с ними один на один. Однако если рядом находится другой человек – родственник или чужак, друг или враг, справиться с кошмаром не сложнее, чем с обычным сновидением, о котором забываешь через несколько минут после пробуждения.

По этой причине в городе установились удивительные традиции, не похожие даже на обычаи ближайших соседей. Семейные узы крепки у всех народов, и как рассказывают бывалые путешественники, даже среди дикарей и варваров. Но нигде больше нельзя увидеть столь искренней, нежной и верной любви между домочадцами. Склоки и дразги не имеют над ними никакой власти, ибо они ощущают себя боевыми товарищами, еженощно объединяющимися против тьмы.

Одиночество считается здесь величайшим несчастьем, потому что оно почти равносильно смертному приговору, и люди стараются оградить друг друга от подобной беды,

¹⁶ Салдива (Saldyva) – пуническое название карфагенской военной почтовой станции, на месте которой позже возник город Сарагоса.

памятуя, что однажды им самим может понадобиться такая помощь. Вот почему здесь не только берегут своих родичей, но и охотно усыновляют чужих сирот, а мужчины часто берут в жены незавидных невест, оставшихся без родни, и обращаются с ними так же хорошо, как если бы те принесли в дом огромное приданое.

В самом центре Салдивы есть площадь, куда в сумерках сходятся люди, которым не удалось найти себе пару – нищие бродяги и гордые старые девы, путники, для которых не нашлось места на переполненном постоялом дворе, и подростки, решившие доказать отцам свою самостоятельность. Разбившись на группы, они отправляются на покой. И никогда не случается такого, чтобы самый последний бродяга украл деньги из сундука приютившего его купца или полез под юбку к женищине. Людей, которые хотя бы раз провели ночь в одном помещении, на всю жизнь связывают священные узы братства, и тому, кто осмелится пренебречь ими, доведется иметь дело не с людскими законами, но с Высшим Правосудием.

– Мяу! – сказала кошка, и я очнулся.

Что это на меня нашло? Что за библиофильское сновидение наяву, что за *маркополо*, прости господи? Как будто в голове у меня прокрутили фрагмент аудиокниги, а перед глазами – иллюстрации к тексту, все это на бешеной скорости, в несколько секунд уложились, но я каким-то образом все осознал и запомнил, причем, кажется, наизусть. Чур меня, чур.

– Нос у тебя какой-то подозрительно сухой, – сказал я кошке. – Ты же наверное черт знает сколько там сидела, балда. Пить хочешь? Конечно хочешь, потому и орешь. Сейчас.

Налил немного воды в пригоршню, кошка вылакала ее так стремительно, хоть в цирке показывай – вроде еще развернуться не успела, а воды уже нет.

– Ясно, – сказал я. – Держи еще.

В итоге она выдула почти все, что оставалось в бутылке, удовлетворенно зевнула, спрыгнула на землю, благодарно боднула мою ногу и неспешно удалилась. Судя по величественной осанке, это была настоящая арагонская кошка, за ней стояло не меньше тысячи поколений предков, вскормленных на надменных местных грызунах.

– Ну крута, – уважительно присвистнул я ей вслед.

И отправился восвояси, тщетно пытаюсь подражать повадкам аборигенов. Сбитая с толку Сарагоса тут же явила моему взору сразу несколько забегаловок, один бар даже показался мне вполне подходящим местом, чтобы выпить там кофе. Ну слава тебе господи, похоже, помирились.

На закате, стоя на мосту Пуэнте де Пьедра, я внезапно почувствовал, что у меня поднимается температура. Проклинаю все на свете, метнулся в ближайшую лавку, запасаюсь водой и апельсинами, купил аспирин в дежурной аптеке и отправился в гостиницу, для ускорения постукивая себя пакетом по бедру, как пастух ленивого барана. Шел практически как на Голгофу. Я очень редко болею, зато когда это случается, страдаю на полную катушку, с непривычки чувствую себя ныряльщиком в прохудившемся гидрокостюме, искренне полагаю всякую неполадку смертельно опасной – к примеру, от насморка, кажется, мне, вполне можно задохнуться во сне, если по какой-то причине не работает система автоматического отверзания уст. Ну и так далее.

«Я тебе даже немного завидую, – написала мне Нанка, которой я пожаловался на свою беду. – Метаться в горячечном бреду на мокрых простынях, в какой-то подозрительной гостинице в Сарагосе. Как прекрасно! Это уже не жизнь, а литература».

Я хотел было ответить, что гостиница вовсе не подозрительная, вполне приличное заведение, три звезды, и вообще в гробу я видел такую литературу, но слово «гроб» меня сейчас всерьез пугало, да и сил на переписку не было.

Всю ночь впечатлительная душа моя металась по узким улицам таинственной Салдивы, пытаюсь, пока не стемнело, отыскать местный «клуб одиноких сердец», чтобы не встречаться

в одиночестве с обещанным ночным кошмаром, но улицы путались, как нитки в кошачьих лапах, а город был безлюден, так что даже расспросить некого. В конце концов, я сообразил, что можно, наверное, постучаться в любой дом – местные жители прекрасно понимают, что светит одинокому путнику. Всю жизнь пребывая в опасности, они высоко ценят любую человеческую жизнь и рассудок, а значит охотно пустят меня к себе. Метнувшись к ближайшей приземистой постройке, я заорал приветствие на незнакомом мне самому языке и проснулся, как было обещано, на мокрых простынях, зато вполне здоровый, если не обращать внимания на тяжесть в голове, которая обычно проходит после первой же чашки утреннего кофе, и сейчас тоже прошла как миленькая.

За окном было пасмурно, зато, похоже, теплее, чем вчера. Я не люблю болеть, а беречься от болезней и вовсе ненавижу, никакая сила не могла бы сейчас остановить меня на пути к выходу из отеля. Просидеть весь день в номере под одеялом – немыслимо, я бы, пожалуй, рехнулся к вечеру от такой жизни, а это куда хуже простуды.

Подкрепившись кортадо в ближайшем безымянном баре, я пошел в сторону базилики Нуэстра Сеньора дель Пилар¹⁷, но почти сразу, совершенно неожиданно для себя оказался на той самой улице, где вчера возился с кошкой.

Автомат с водой, дерево и скамья были на месте, а моя черно-белая подружка мирно дремала в сени гигантского кактуса. Но почуяв мое приближение, подскочила, потянулась, выгнула спину дугой, разинула от удовольствия пасть, а покончив с зарядкой, пулей взлетела на дерево, с которого я вчера ее снял, удобно устроилась на той же самой ветке, адресовала мне влюбленный взгляд и заорала дурным голосом. Дескать, снимите бедного котеночка.

Сказать, что я опешил – ничего не сказать. Застыл соляным столбом, даром, что не обочивался ни на Содом, ни на Гоморру, ни на другую какую-нибудь пакость. Мне и так хватало прельстительных зрелищ.

– Это ты со мной так кокетничаешь? – наконец спросил я. – Вообще-то вполне достаточно было бы подойти и сказать «мяу». Я бы оценил.

Могу поклясться, она посмотрела на меня как на идиота. И тут же снова жалобно заорала, напоминая мне о долге. Дескать, сперва давай спасай, а потом разговоры разговаривай, если уж приспичило.

Делать нечего, пришлось лезть на скамейку, балансировать на ее гладкой спинке, хвататься за древесный ствол и заработать еще одну царапину – девочка моя снова невовремя выпустила когти, дуреха несчастная.

Бывалые люди рассказывают, что в городе Салдуба¹⁸ на самом краю рыночной площади сидит беззубый старик, вид он имеет угрюмый и непривлекательный, а ведь такое поведение не подобает торговцам. У него нет ни товара, ни безмена, только мешок из кожи желтого пса, умершего от бешенства. В этот мешок старик складывает деньги, когда ему удастся их получить.

Старик не зазывает покупателей, а молча глядит на рыночную суету из-под косматых бровей, так что даже взрослые мужчины порой робеют и обходят его стороной. Ему нет нужды похвастаться своим товаром, все жители Салдубы и так знают, что суровый старец торгует временем. Всяк кто пожелает, может купить у него несколько месяцев или лет впридачу к отпущенному сроку. Никто не ведает, какой срок отмерян ему судьбой, а значит, невозможно проверить утверждения этого удивительного купца, а поверить ему на слово не всякий

¹⁷ Nuestra Senora del Pilar («Богородица на Столбе») – барочная базилика Пилар (Божьей Матери Пилар, Нуэстра-Сеньора-дель-Пилар) с 11 куполами – пожалуй, самое знаменитое сооружение Сарагосы и самый почитаемый в Испании храм Девы Марии. Базилика (основное строительство 1681–конец 19 в.) возведена на месте, где по преданию в 40 году н. э. апостолу Иакову явилась Богоматерь, стоящая на столбе. Раньше здесь стояла часовня первых христиан со Святой колонной (Pilar), а в 8 и 12 вв. были возведены две церкви и храм в мавританско-готическом стиле.

¹⁸ Салдуба (Salduba) – еще одно название селения, на месте которого была построена Сарагоса.

решился. Поэтому в мирное время у старика мало покупателей, разве только захворавшего богача слуги принесут на носилках, или суеверный моряк, решившийся на опасное плавание, заглянет в надежде выторговать себе год-другой. Зато когда начинается война, покупатели выстраиваются в очередь, многие думают, что им суждено погибнуть в бою и надеются перехитрить судьбу. И, говорят, еще не было случая, чтобы солдат, купивший у старца, скажем, три года, был убит до истечения этого срока. В Салдубе до сих пор помнят война, которому в лоб вонзилась, выпущенная из арбалета стрела, а он остался жив. Древко потом отпилили, а наконечник трогать побоялись, так он и ходил со стрелой во лбу, пугая своим видом пьяниц и несмышленных младенцев. А все дело в том, что этот человек, собираясь на войну, купил у старца пять лет жизни. Говорят, когда этот срок подошел к концу, бывший солдат отправился на рынок, чтобы добавить себе еще столько лет, на сколько хватит сбережений. Но старик сказал ему: «Теперь даже одна минута твоей жизни стоит больше, чем сокровища всех владык мира, и горемыка ушел ни с чем, а несколько дней спустя мирно умер под своей оливой от смертельной раны, полученной пять лет назад.

Берет старик за свой товар то золотые слитки, то суищие гроши, и никогда заранее неизвестно, сколько будет стоить год именно твоей жизни. Во всяком случае, на рынке утверждают, что он не поднимает цену, увидев на покупателе роскошные одежды, и не делает скидок беднякам. Сам же торговец всякий раз говорит, будто время каждого имеет свою, совершенно определенную цену, и он, дескать, давно научился определять ее на глаз.

Всякий, кто попытается напасть на этого старца, убедится, что он силен и могуч. На рынке до сих пор помнят, как заезжие разбойники сочли его беспомощным и сговорились ограбить, но старик подпустил их поближе, ухватил одного левой рукой, другого правой и сломал шеи обоим, а их товарищи в страхе бежали, умоляя о пощаде, и что с ними было дальше, никому неизвестно.

Однако ноги у старца слабы, и встает он с трудом, опираясь на посох. По вечерам на рынок приходит темнокожая женщина, чтобы отвести его домой – не то жена, не то дочь, не то невольница. У нее две левых ноги и две правых руки, она гладит седые кудри торговца временем и ласково шепчет ему: «Пошли, Кронос, пора»

Очнувшись, я обнаружил себя сидящим на скамейке в обнимку с грохочущей от нежности кошкой. Все было в точности как вчера – в моей голове словно бы включили очередную иллюстрированную аудиокнигу из той же серии, что давешняя история про город кошмаров, только, на мой вкус, еще более мутную. И как вчера все началось с того, что я взял кошку на руки, она меня поцарапала, а потом принялась ластиться, и вот на этом-то месте я и вырубался, оба раза.

– Это, что ли, ты во всем виновата? – В шутку спросил я кошку.

То есть, думал, что спрашиваю в шутку, но пока говорил, понял, что отношусь к этому дикому предположению куда серьезней, чем следует. Видимо, температура у меня по-прежнему оставалась высокой, просто я к ней привык.

Кошка прекратила мурлыкать, поглядела мне в глаза и, страшно сказать, кивнула. И коротко, но громко мяукнула – для полной ясности, надо понимать. Мне в тот момент показалось, это совершенно нормально: вопрос – ответ. Все как у людей. Мне и в голову не пришло удивляться. Зато я решил, что нам следует объясниться.

– Ценю твое доверие, – сказал я. – Но поэтическое озарение совершенно не по адресу. Я не писатель, кисонька. Я, знаешь ли, сумки шью. Из цветной кожи. Охеренные. Но – сумки. Продаю за страшные деньги, сам бы ни за что столько на сумку не потратил. Но клиенты считают, они того стоят, так что все в порядке... Но книжек я не пишу. Все, что я могу сделать в такой невыносимой ситуации – это тебя покормить. Хочешь?

Кошка снисходительно мяукнула – дескать, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Спрыгнула на землю и деловито пошла – не за мной, а чуть впереди, указывая дорогу. И к прекрасной, надо сказать, вывела закусочной, там было светло и безлюдно, а кормили так, словно я попал в рай, где праведникам позволяют сохранить при себе вполне земные желудки.

Отведав ветчины, пропитанной дынным благоуханием (мне же досталась дыня, хранящая воспоминания о сладостном прикосновении ветчины), кошка благодарно потерлась о мою штанину и отправилась по своим делам, не дожидаясь, пока я отсчитаю мелочь и надену пальто. А я пошел по своим – если можно назвать «делом» прогулку по городу, который вчера не слишком понравился. Но я был настроен более чем серьезно. Намеревался возлюбить Сарагосу хотя бы со второй попытки, и она, надо сказать, пошла мне навстречу.

В пасмурную погоду, под моросящим дождем Сарагоса потеряла львиную долю величия и неприветливости. Даже цвет зданий, вчера темных и тусклых, сегодня изменился, стал теплее и ярче. Я всегда знал, что освещение – великое дело, оно решает все. Но обычно города в солнечную погоду хорошеют, а тут – обратный эффект. И ведь это я вчера под зимним солнцем ее наблюдал, мягкий, так сказать, вариант. А летом Сарагоса, надо полагать, с ног сшибает своим величием. Небось послы недружественных держав, въезжая под ее своды, тут же начинали трепетать и потеть подмышками, и без того упоительно сочными.

А в редкие пасмурные дни иностранных послов в Сарагосу пускать не следует. В это время на улицы выходят местные жители, снимают невидимые тугие воротнички, расслабляют плечи и спины, ловят губами редкие капли дождя, радуются: какой же у нас уютный город! Я чувствовал – еще пара-тройка пасмурных дней, и я сам сочту Сарагосу «уютной». И уезжать раньше времени совершенно ни к чему. Три ночи – это даже маловато, если разобраться.

К вечеру у меня снова начала подниматься температура, но, вопреки обыкновению, я хранил безмятежность. Это, думал я, просто такая специальная полезная сарагосская лихорадка, задуманная мудрым Создателем ради красочности наших сновидений. К утру опять все пройдет. А что жрать не хочется – невелика беда. В Барселоне буду отъедаться. А пока куплю, пожалуй, багет с ветчиной на всякий случай, вдруг организм среди ночи решит, что презирует аскезу. И пойду спать.

Багет я покупал не зря. Уже возле самой гостиницы я услышал знакомое мяуканье. Моя черно-белая зазноба сидела на невысокой ограде и всем своим видом показывала, что снять ее с этой немислимой, головокружительной полутораметровой высоты – моя святая обязанность.

– Ну что с тобой делать, иди сюда, – вздохнул я, протягивая к ней руки. На этот раз кошка была осторожна, не стала выпускать когти, зато ластилась с такой неукротимой страстью, что у меня духу не хватило спустить ее на землю. Спрятал под пальто и контрабандой пронес в номер. Покормлю, а потом выпущу в окно, благо живу на первом этаже, – так я рассуждал.

Ага, как же. В окно. Съев ветчину из багета, кошка улеглась мне на грудь и умиротворяюще затарахтела. Я сам не заметил, как уснул и сладко проспал до самого утра. Сны мне снились исключительно приятные, даже угрюмый старик из утренней истории был со мной приветлив и обещал подарить на Рождество пару лишних лет – если я буду вести себя хорошо. Я сказал, что постараюсь.

Когда я проснулся, за окном были прозрачные утренние сумерки. Чувствовал я себя отлично, но вставать было лень. Тем более что на моей груди по-прежнему лежала пушистая черно-белая грелка. Довольно увесистая, надо сказать. Иногда мне кажется, что кошки умеют регулировать собственный вес по мере надобности – когда необходимо взобраться к потолку по тонкой занавеске, самый раскормленный зверь весит не больше двухсот граммов. А когда надо заставить теплого, удобного человека как можно дольше оставаться в постели, даже такое

тщедушное создание, как моя подружка, чудесным образом прибавляет к своему природному весу еще, как минимум, пуд.

В конце концов я страстно возжелал простых человеческих утренних радостей и попытался выбраться из-под кошки. Спросонок бедняга явно не сообразила, что происходит, почему под ее пузом вдруг зашевелилась земная твердь, и вцепилась когтями в одеяло. То есть, тремя лапами в одеяло, а четвертой – в мою ключицу. Зараза мелкая.

Рассказывают, что когда король Альфонсо¹⁹ воевал с Альморавидами за Саракусту²⁰, в его армии был полководец, мавр по рождению и мусульманин по вере, звали его Мустафа²¹. И был этот Мустафа молод, но мудр не по годам и храбр, как семь львов. А в армии Альморавидов был чародей по имени Эль Хуэвас. И задумал он чародей извести храброго и мудрого Мустафу, поскольку отдавал должное его заслугам и справедливо полагал, что без него у короля Альфонсо возникнут разнообразные затруднения.

Но когда Эль Хуэвас приготовился к чародейству и уже разложил на столе свои сатанинские скрижали, ему явилась Дева Мария и приказала остановиться и живую душу не губить, ибо Пресвятой Деве было известно, что Мустафа недавно дал тайный обет принять христианство, и милосердная Дева не могла допустить, чтобы он погиб прежде, чем это случится.

Эль Хуэвас разгневался и огорчился, но послушаться не посмел. И тогда вместо погибели наслал он на Мустафу удивительную хворь. Где бы ни ложился тот спать, поутру просыпался совсем в другом месте, и никто не мог заранее предсказать, где найдут Мустафу в следующий раз. Он просыпался то на улице, то в крестьянском амбаре, то за неприступными стенами монастыря, то во дворце своего повелителя. Чего только не делали – и двери запирали, и к кровати его привязывали, и стражу в изголовье ставили, но все шло по-прежнему, в самый темный час ночи Мустафа исчезал из своей спальни и появлялся в другом месте.

Эль Хуэвас надеялся, что однажды проклятый им полководец проснется в женских покоях, или в постели своего короля и будет немедленно убит за дерзость. Но Пресвятая Дева берегла Мустафу, а после крещения препоручила его ангелу-хранителю, поэтому Мустафа просыпался в совершенно безопасных, хотя не всегда удобных и достойных его положения местах. Часто это были хижины бедняков, и в таких случаях Мустафа поутру щедро награждал хозяев своего временного приюта.

Слух о его великодушии быстро разнесся по окрестностям, и каждому, конечно, хотелось, чтобы Мустафа проснулся в его доме. Люди, которые прежде жили дружно, преисполнились зависти и подозрительности, потеряли сон и ночи напролет следили друг за другом: а вдруг Мустафа окажется на соседском дворе, и можно будет тайком перенести его, еще спящего, в свой дом.

Однажды так и случилось: один крестьянин увидел Мустафу в чужом саду и попытался его выкрасть. Но сосед был начеку, он выскочил из укрытия, где сидел уже не первую ночь, и завязалась драка. И такой поднялся великий шум, что благородный Мустафа проснулся и столь огорчился, обнаружив, что его благодеяния не смягчили, а напротив, ожесточили людские сердца, что от горя снова заснул и проснулся так далеко от дома, что большие никто никогда не видел его в Саракусте.

Несколько лет спустя один купец похвалялся, что встретил Мустафу в стране северных варваров, счастливого и процветающего, в узорчатой одежде и драгоценной кольчуге, он восседал за столом по правую руку от местного правителя и подарил земляку браслет

¹⁹ Здесь речь идет о короле Арагона Альфонсо I эль Балальдоре.

²⁰ Арабское название Сарагосы.

²¹ В этом нет никакого противоречия. После того как султан из династии Бану Худ, Абн-аль-Малик Имад ад-Давла соединил свои силы с армией христианского короля Арагона Альфонсо I, мусульмане Сарагосы стали постоянными военными подданными Арагонских сил.

из серебра. Браслет купец охотно показывал всем, кто желал поглядеть, и был он грубой работы, такой тяжёлый, что носить неудобно. Но неизвестно, можно ли верить этому свидетельству, хотя все соглашались, что такой человек как Мустафа везде будет в почёте.

А коварный чародей Эль Хуэвас здоровается до сих пор. Но многим достойным людям кажется, что долго так продолжаться не будет.

– А вот это была смешная история, – сказал я кошке, когда пришел в себя. – Мне даже понравилась. Это, что ли, к викингам Мустафа попал? Бедолага. Холодно же...

Кошка удовлетворенно мяукнула, и я пошел умыться. Душ, надо сказать, произвел на меня самое отрезвляющее действие. Кошка, кто бы спорил, отличная. И отношения у нас складываются – лучше не пожелаешь. Но эта ее дурацкая манера царапаться, и, самое главное, последствия... Если разобраться, ничем не лучше пробуждения в компании повешенных. Даже хуже. Повешенных можно похоронить и забыть. А с регулярным бредом, отягощенным галлюцинациями, ужиться будет непросто...

Ты чего? Какое может быть «ужиться»?! – рявкнул я на себя. – Ты завтра уезжаешь. А кошка остается. С чем ты собрался «уживаться», скажи на милость?

А ведь и правда.

В комнату я вернулся преисполненный решимости немедленно расставить точки над i.

– Ты самая прекрасная кошка на обоих берегах Эбро²², – высокопарно сказал я зверю, мирно дремавшему на моей подушке. – Но все равно так дальше продолжаться не может. Хотя бы потому, что я действительно не писатель. Даже не любитель литературы такого рода. И, к тому же, завтра уеду. А потом улечу. А в самолет тебя вот так просто за пазухой не пронесешь. Так что придется тебе поискать другого переписчика для своих историй.

Кошка поднялась с подушки, адресовала мне взгляд, ледяной, как сто тысяч дохлых пингвинов, надменно развернулась и выпрыгнула в окно; кто и когда успел его открыть, было для меня абсолютной загадкой.

Я остался вполне доволен столь простым исходом дела, хотя на душе у меня, конечно, скребла не одна сотня сородичей моей навеки утраченной зазнобы.

Надо было что ли покормить ее сперва, а уже потом выяснять отношения, – сердито сказал я себе. У тебя тут, между прочим, шведский стол. А у бедной киски – только мусорные контейнеры, за доступ к которым еще небось с бродягами сражаться надо. Эх.

Движимый чувством вины, за завтраком я почти не притронулся к еде, зато предусмотрительно набил карманы ветчиной, а выйдя из гостиницы, принялся бродить по окрестностям в поисках автомата с водой, скамейки и дерева, где мы с кошкой познакомились, но почему-то так и не смог отыскать, а ведь вчера вышел, свернул вот сюда, выпил кофе – вот же он, тот самый бар. И где, в таком случае? Нет, и все тут, хоть плачь. Надо было название улицы запомнить, нашел бы сейчас по карте, растяпа. Вечно у тебя все через жопу.

Я натурально страдал. Завернутая в салфетку ветчина билась в моем кармане как пепел какого-нибудь Клааса. Жизнь представлялась мне чрезвычайно печальным, хоть и поучительным процессом. Даже две порции сока гуайявы в баре на Дон Хайме меня не утешили. Зато обстановка там была самая что ни на есть духоподъемная – негромкая музыка, вышедшая из моды еще до начала Второй Мировой войны, едкий дым кубинских сигарет, цоканье кубиков льда в стаканах и шорох кофейных зерен в мешках. За соседним столиком сидела явно сумасшедшая старуха, по крайней мере, она непрерывно что-то говорила вслух невидимому собеседнику. Вот во что ты превратился бы от этих дурацких историй, – сердито сказал я себе, но облегчения не почувствовал. Старуха, тем временем, достала из сумки тетрадь и принялась поспешно записывать короткие рваные строчки. Стихи? – неуверенно подумал я. – Значит, не сумасшедшая, а просто поэтесса? Впрочем, с каких это пор одно другому мешало...

²² Эбро – река, на берегах которой стоит Сарагоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.